

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Объект авторского права

УДК [811.161.1'373.612.2 '42+811.161.3'373.612.2 '42] (043.3)

**КУРАШ
СЕРГЕЙ БОНИФАЦИЕВИЧ**

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОНТИНУУМ
РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ:
ДИСКУРСИВНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук
по специальностям
10.02.02 – русский язык; 10.02.01 – белорусский язык

Минск, 2023

Научная работа выполнена в УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина»

Официальные оппоненты:

Иванов Евгений Евгеньевич,

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики учреждения
образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»

Муратова Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры языкознания
учреждения образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

Старичёнок Василий Денисович,

доктор филологических наук, профессор,
декан филологического факультета
учреждения образования
«Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»

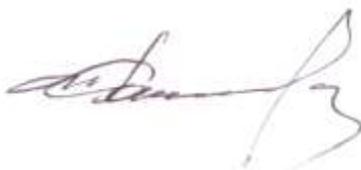
Оппонирующая организация: УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Защита состоится 11 мая 2023 г. в 14.00 на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.11 при Белорусском государственном университете по адресу: 220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, ауд. 62; e-mail: batnf@bsu.by; тел. ученого секретаря (017)209-55-58.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан «___» апреля 2023 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

И.Э. Ратникова

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования связана с переориентацией современной лингвистики на антропоцентрическую парадигму, что стимулировало изыскания в смежных лингвистических направлениях (лингвосемиотика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, теория межкультурной коммуникации и др.), способствовало становлению в качестве самостоятельной области исследования метафорологии как комплексной науки, изучающей феномен метафоры во всех его проявлениях.

Исходя из сложившегося в лингвопоэтической традиции (М. В. Ломоносов, В. В. Виноградов, А. Н. Веселовский, Г. О. Винокур, Л. С. Выготский, В. М. Жирмунский, А. А. Потебня, О. М. Фрейденберг и др.) представления о подчинённости словесно-художественного творчества принципу умножения смысла, в чём одну из центральных ролей играет метафоризация, наше исследование базируется на **комплексном методологическом подходе**, интегрирующем фундаментальные положения в области

• **теории метафоры (метафорологии)** (А. А. Ричардс, М. Блэк, Х. Блюменберг, Г. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, Л. В. Балашова, А. Н. Баранов, Б. П. Иванюк, Н. А. Илюхина, Л. В. Калашникова, Н. А. Кожевникова, О. Н. Кондратьева, Н. Ф. Крюкова, О. Н. Лагута (Алёшина), В. П. Москвин, А. С. Самигуллина, В. Д. Старичёнок, М. В. Субботина, З. А. Харитончик, И. Штерн и др.), в которых обоснован «сверхтроповый» статус метафоры как одного из важнейших речемыслительных механизмов;

• **лингвопоэтического структурализма, постмодернистской поэтики и семиотики художественного текста** (Р. Барт, М. М. Бахтин, Н. Н. Белозёрова, Т. ван Дейк, Б. Ф. Егоров, Ю. Кристева, Ю. И. Левин, Ю. М. Лотман, Ю. И. Левин, Е. Н. Лучинская, В. Я. Пропп, В. П. Руднев, М. И. Стеблин-Каменский, Б. А. Успенский, Ц. Тодоров и др.), в которых сформировано представление о художественном тексте как об особом эстетически нагруженном коммуникативно ориентированном знаковом образовании;

• **теории текстообразования, дискурсологии, прецедентологии и интертекстуальности** (Е. Е. Анисимова, Л. Г. Бабенко, Г. Х. Бакиева, Е. Г. Задворная, К. А. Долинин, М. Я. Дымарский, В. И. Ивченков, О. Л. Каменская, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, И. П. Кудреватых, Н. А. Кузьмина, В. А. Лукин, Е. Ю. Муратова, Н. Б. Попова, А. А. Романовская, З. Я. Тураева, Н. А. Фатеева, И. Я. Чернухина, И. И. Чумак-Жунь, К. Э. Штайн и др.) со сформированным здесь представлением о тексте как фигуранте глобального межтекстового и межкультурного диалога;

• **лингвокультурологии и сопоставительной лингвистики** (М. Г. Булахов, В. В. Воробьёв, В. Г. Гак, С. Д. Жордания, О. Н. Кондратьева,

М. И. Конюшкевич, Х. Д. Лезметс, В. А. Маслова, Е. А. Охремова (Огнева), И. С. Ровдо, А. Т. Хроленко, Л. Н. Чумак, Е. Е. Юрков и др.), ориентирующей выявление и интерпретацию универсального и культурно-специфического в различных аспектах речемыслительной деятельности.

Синтез знаний из представленных выше направлений необходим в силу многовекторности исследования как метафоры, так и текста (дискурса), проявляющих себя как феномены языка, литературы, философии, культуры, психологии и иных областей знаний одновременно.

Экстраполяция интеракциональных взаимоотношений двух смыслов в метафоре (А. А. Ричардс, М. Блэк) на дискурсивное измерение позволяет обнаружить ряд основных взаимодействий, определяющих феномен текста как дискурса: «текст – действительность», «текст – язык», «текст – интертекст», «текст в акте адресации – текст в акте восприятия». В связи с этим нами выдвигается идея исследования художественного, в частности, поэтического текста / дискурса как феномена, сущностно изоморфного метафоре (текст есть метафора & метафора есть текст).

Научная новизна исследования заключается:

1) в выявлении генеративного потенциала метафоры, обуславливающего её функционирование в протяжённости от единичных вкраплений – фрагментообразующих метафор – до текстов-метафор, и в установлении количественных показателей (индексов метафоричности) для русской и белорусской поэзии, свидетельствующих о примерно равной средней распространённости метафорических тропов в пределах текстового пространства у русскоязычных и белорусскоязычных авторов;

2) в раскрытии лингвосомиотического статуса поэтической метафоры (текст – «метафора действительности», метафора – принцип взгляда на мир посредством текста) и выявлении семиотической градуальности метафорического континуума русских и белорусских поэтических текстов, реализуемой в пределах от семиотически «слабой», «малозаметной» до семиотически «сильной» метафоры, максимально отклоняющей метафорический образ от его прототипа в узусе;

3) в раскрытии лингвокультурного потенциала метафоры, реализуемого посредством интракультурных (концептуальная оппозиция «своё → своё») и интеркультурных тропов («своё → чужое»; «чужое → чужое»; «чужое → своё»), и в выявлении индексов пространственности и интенсивности (креативности) метафорического континуума русской и белорусской поэзии, подтверждающих большую склонность к данным качествам у русских авторов;

4) в различении таких форм участия метафоры в структуризации дискурсивных отношений «текст – языковой универсум», как включённость во взаи-

модействие с иными фактурами текста (фоникой, ритмикой, графикой и др.); метафорическая репрезентация собственно языковых концептов и обращение к денотативной сфере «язык» для метафорического структурирования концептов, относящихся к неязыковым денотативным сферам;

5) в выявлении приёмов создания интертекстуальных метафор, функционирующих в текстах русской и белорусской поэзии (т. е. структурно-смысловых преобразований исходного тропа текста-источника в посттексте), в том числе в континууме белорусско-русского интертекстуального пространства; в установлении корреляции текстов, основанных на интертекстуальных метафорах, с определёнными жанротипами (текстами-посвящениями и пародийными текстами); в выявлении иных параметров интертекстового «диалога» метафор («диалогизирование» метафор одного и разных идиостилей; современников и предшественников; регулярных, системных метафор и индивидуально-авторских, несерийных);

б) в систематизации способов вхождения метафоры во взаимодействия «адресант – текст – адресат – внутритекстовые коммуниканты», которая состоит в различении трёх типов суппозитивных метафор (основанных на личных местоимениях в текстах русских и белорусских поэтов: 1) автометафор – конструкций с личным местоимением Я в качестве метафоризируемого элемента; 2) коалиционных метафор – конструкций с личным местоимением МЫ в качестве метафоризируемого элемента; 3) интерлокутивных метафор – метафорических репрезентаций собеседника (конструкций с местоимениями 2-го лица ТЫ и ВЫ); в выявлении способов метафорического структурирования всей коммуникативной цепи в целом (включение в текст типологически «не своих» конструктивных элементов, введение «ложноориентирующих» жанровых маркеров, авторский прогноз на восприятие текста, специфический фактор адресации и т. п.).

Материал исследования представлен двумя картотеками примеров (на белорусском и русском языках); в качестве **единицы исследования** выступают метафорические контексты в протяжённости от словосочетания до текста, извлечённые из произведений преимущественно середины – второй половины XX в. (в отдельных случаях привлекались примеры как из более ранних периодов, так и из поэзии XXI века), в том числе с использованием ресурсов национальных корпусов русского и белорусского языков, поисковых систем и специализированных интернет-порталов. Общий объём исследованного русскоязычного корпуса – около 3200 единиц (3 800 000 словоупотреблений); объём исследованного белорусскоязычного корпуса – 2 850 единиц (3 500 000 словоупотреблений). Непосредственно в тексте диссертации представлены примеры, извлечённые из

произведений 117 авторов, пишущих на русском языке, и 115 авторов, пишущих на белорусском языке. Для уточнения содержания концепта «метафора» нами также привлекался фактический языковой материал из художественно-прозаического, медийного, научно-философского дискурсов, а также высказывания о метафоре некоторых русских и белорусских авторов.

Исследование дискурсивных взаимодействий в метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов основывается на использовании общих **методов** познания (дедукции и индукции, синтеза и анализа, абстрагирования и обобщения), а также моделирования (для визуализации некоторых абстрактных объектов, что нашло отражение в рисунках, представленных в диссертации), систематизации и классификации (состоящих в сведении различных языковых фактов в те или иные типы, классы, формы и пр.), так и методов собственно лингвистического исследования. На разных этапах и для решения различных задач нами были использованы следующие методы: структурно-семантический (в целях выявления фактов взаимообусловленности формальных и содержательных характеристик исследуемых единиц), сопоставительный (для выявления общего и различного в сопоставляемой паре поэтических систем и традиций образного словоупотребления), контекстный (использовался с целью определения функциональной специфики отдельных лексических элементов и их значений в контекстных пределах) и компонентный анализ (использовался для изучения составных элементов метафорических контекстов разной протяжённости), трансформационный анализ (с позиции синтаксической деривации высказывания по Л. Н. Мурзину) – на этапе исследования семиотической градуальности метафорических конструкций). Для количественной характеристики фактического материала (выявления индексов метафоричности, пространственности и креативности, свойственных каждой из двух лингвопоэтических систем) использовались количественно-статистические методы: подсчёт, определение погрешности (интервала разброса значений) вследствие возможной статистической ошибки и/или достаточности/недостаточности объёма выборки.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами (проектами) и темами

Диссертация выполнялась в рамках следующих научных программ и проектов: Государственной программы фундаментальных исследований «Белорусский язык и белорусская литература в историческом развитии и современном обществе, их связи и взаимодействие с другими языками и мировым литературно-художественным процессом» (2006–2010) в части разработки задания

«06. Трапеічнае мадэляванне паэтычнай карціны свету: сяміятычны, стылістычны, лінгвакультуралагічны і лінгвадыдактычны аспекты» (№ госрегистрации 20062236); Государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство» (2011–2015) в части разработки задания 4.1.20 «Лінгвістычныя вобразныя сродкі ў мове беларускай мастацкай літаратуры ва ўмовах міжкультурнага дыялогу» (№ госрегистрации 20112525); Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (2016–2020) в части разработки задания 4.1.09 «Фразеалогія і афарыстыка сучаснай беларускай мовы: нацыянальна-культурная адметнасць, лексікаграфічнае апісанне» (№ госрегистрации 20160357); Государственной программы научных исследований «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» (2021–2025) подпрограммы «Беларуская мова і літаратура» в части разработки задания «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспект даследавання» (№ госрегистрации 20211755); НИР «Метафорологическая теория художественного текста (дискурса) как семиотического объекта» (грант БРФФИ № Г03М-077 на 2003–2005 гг., № госрегистрации 20032174); НИР «Интертекст как дискурсивный феномен и системно-структурное образование (на материале белорусской, русской и немецкой поэзии)» (грант БРФФИ № Г07М-149 на 2007–2009 гг., № госрегистрации 20071591).

Цель и задачи исследования

Цель работы – раскрыть характер реализации дискурсивных взаимодействий в метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов и выявить конкретно-языковые формы репрезентации данных взаимодействий.

Задачи исследования:

- 1) раскрыть генеративный потенциал поэтической метафоры, обуславливающий способность охватывать метафоризацией разные по протяжённости типы языковых конструкций (от минимальных до текстообразующих) в языке русской и белорусской поэзии;
- 2) раскрыть метафорический характер взаимодействия поэтических текстов с внетекстовым универсумом и определить конкретно-языковые формы участия метафор в формировании поэтической картины мира, представленные в текстовом континууме русской и белорусской поэзии;
- 3) охарактеризовать метафорическую интеракцию как фокус пересечения русской и белорусской лингвокультур в аспекте оппозиции «своё» – «чужое»;
- 4) выявить формы участия метафоры в структуризации дискурсивных отношений «текст – язык» и охарактеризовать денотативную сферу «язык» как источник русских и белорусских метафор;

- 5) выявить изоморфические признаки метафоры и интертекстуальности, систематизировать конкретно-языковые формы интертекстуальных метафор, функционирующих в языке русской и белорусской поэзии, в том числе в континууме белорусско-русского интертекстуального пространства;
- б) выявить специфику участия метафоры в дискурсивных взаимодействиях «адресант – текст – адресат – внутритекстовые коммуниканты» и охарактеризовать языковые средства метафорической репрезентации коммуникантов в поэтических текстах русских и белорусских авторов.

Объект исследования – дискурсивные взаимодействия «текст – внеязыковой универсум», «текст – языковой универсум», «текст – интертекстовой универсум», «текст адресуемый – текст принимаемый», представленные в метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов.

Выбор объекта обусловлен, во-первых, тенденциями в исследованиях по лингвопоэтической метафорологии последнего времени. Значительному её продвижению способствовала интеграция с лингвистикой текста – одной из доминирующих лингвистических дисциплин второй половины XX века (изучение участия метафоры в формировании ведущих текстовых категорий цельности, связности, проспекции, ретроспекции, композиционной оформленности и пр., выявление у метафоры способности охватывать целые тексты, фигурировать как текст-метафора, текст-троп). Вместе с тем признанием за поэтической метафорой способности к использованию в текстообразующей функции не исчерпывается её статус в современной лингвистике, отличающейся тяготением к интердисциплинарности, «разомкнутости» границ для взаимодействия с другими науками. К такому выводу приводит трактовка поэтического текста как элемента семиосферы (Ю. М. Лотман), где текст выступает как сложное знаковое образование, актуализирующееся лишь в своём дискурсивном (интерактивном) понимании. Поэтому важно определить статус метафоры и для «притекстовых зон» дискурса, к числу которых в первую очередь следует отнести: а) внешнюю по отношению к тексту действительность, б) языковой универсум, в) совокупность других текстов (интертекст), г) коммуникативную рамку, являющуюся каналом трансляции текста от поэта к читателю.

Во-вторых, метафорический континуум активно взаимодействующих лингвокультур представляет собой диалектическое единство общего и особенного, интерес к соотношению которых объективно стимулируется данной общностью (к тому же и тесными интеграционными процессами в экономике, политике, науке, культуре, образовании между Республикой Беларусь и Российской Федерацией) как реально существующим основанием для сопоставления.

Предмет исследования – структурно-семантические, когнитивные и лингвокультурологические характеристики поэтических метафорических кон-

текстов на русском и белорусском языках (протяжённостью от словосочетания до текста), репрезентирующих дискурсивные интеракции «текст – внеязыковой универсум», «текст – языковой универсум», «текст – интертекстовой универсум», «текст адресуемый – текст принимаемый».

Положения, выносимые на защиту

1. В текстах русской и белорусской поэзии представлены различные по своему архитектурному решению, но в целом структурно сходные метафорические контексты, имеющие образно-смысловую завершённость в пределах от минимальных (словосочетаний), развёрнутых (текстовой фрагмент) до текстообразующих (создающих текст как образное художественное целое) конструкций. Охват метафорой текстового пространства (соотношение единичных метафорических вкраплений, фрагментообразующих и текстообразующих метафор) оценён через выявленные индексы метафоричности, составившие по шкале от 1 (минимум) до 3 (максимум) с учётом статистических отклонений 1,49 ~ 2,09 для русской поэзии и 1,51 ~ 1,87 для белорусской. Несущественная разница в количественных данных свидетельствует о примерно равном среднем охвате метафоричностью текстового континуума русскоязычных и белорусскоязычных авторов, что обусловлено примерно паритетным распределением разных по протяжённости контекстов для обеих поэтических систем. Вместе с тем метафора – не только неотъемлемый элемент в структуре внутритекстовых связей, но и фигурант дискурсивных взаимодействий поэтического текста: с внеязыковым и языковым универсумом, совокупностью претекстов и посттекстов, коммуникативной ситуацией. Действие метафорического интерактивного механизма выявляется в отношении всех названных дискурсивных взаимодействий.

2. В реализации связей «текст – действительность» метафора выступает как способ взгляда на мир посредством текста. Русских и белорусских поэтов объединяет использование приёмов метафоризации, ориентированных на разную степень расподобления узуальной и поэтической картин мира. Метафорика градуирует в пределах от семиотически «слабой», «малозаметной» до семиотически «сильной», максимально отклоняющей метафорический образ от его прототипа в узусе. При этом к семиотически «сильной» метафорике тяготеют поэты с подчёркнутой метафоричностью идиостилей, склонные к максимальному охвату метафорой текстового пространства, к текстам-метафорам (В. Маяковский, С. Кирсанов, Б. Пастернак, А. Вознесенский, Р. Рождественский и др. – в русской поэзии; Р. Бородулин, В. Дубовка, П. Макаль, А. Пысин, М. Стрельцов и др. – в белорусской поэзии).

3. С лингвокультурологической точки зрения целесообразно разграничение понятий интракультурных и интеркультурных метафор. Интракультурные

метафоры основываются на сближении понятий одной культуры («свое → своё») и в своей основе представлены традиционными формулами каждой из двух национальных поэтических традиций. Интеркультурные тропы могут представлять собой различные варианты соединения разнокультурных реалий в рамках оппозиции «своего» и «чужого»: «чужое → своё», «свое → чужое»; «чужое → чужое». И те, и другие в равной мере свойственны как русским, так и белорусским поэтам. При этом в белорусской лирике отмечены случаи концептуализации «чужого» как «своего», в частности, когда речь идёт о некоторых российских реалиях (*море* и др.). Метафоричность определённым образом коррелирует с пространственными координатами текстов. Ориентация на максимально широкую пространственность, свойственная в большей степени русским поэтам, связана с акцентуацией моделирующей функции метафоры, функции создания новых концептов (кенотипов). Белорусские поэты чаще стремятся к локализации своего пространства в пределах «малой родины», в связи с чем им наиболее свойственны метафоры, восходящие к архетипам и устоявшимся поэтическим формулам. Это подтверждается количественно-статистической обработкой исследованного материала: с учётом статистических отклонений индекс пространственности составил 1,34 ~ 2,39 (русская поэзия) и 0,77 ~ 1,97 (белорусская поэзия); индекс интенсивности (креативности) – 1,81 ~ 2,62 (русская поэзия) и 1,20 ~ 2,09 (белорусская поэзия) по шкале от 1 (минимум) до 3 (максимум).

4. Задействованность метафоры в отношениях «поэтический текст – языковой универсум» обнаруживается в следующих явлениях, свойственных идиостилиям русскоязычных и белорусскоязычных авторов:

- вступление метафор во взаимодействие с фактурами, относящимися к формальной стороне текста: его фоникой и ритмикой (звуковая и метроритмическая метафора), особенностями на уровне морфемики, морфологии и синтаксиса (грамматическая метафора), визуально-графическим обликом (визуальная метафора), что ведёт к акцентированию информации, представленной на уровне тропеически структурированных смыслов;

- метафорическая репрезентация собственно языковых концептов, находящая отражение в наиболее устойчивых сериях образов («язык → живой организм»; «язык → природное явление, гармония природы», «язык → оружие»), в ряду которых представлены контексты с отчётливо выраженным национально-культурным компонентом. Само понятие *метафора* в обоих языках предстаёт как семантически ёмкий и семиотически амбивалентный феномен, актуализирующий смыслы в пределах от 'антипод реальности', 'излишество', 'безвкусице' до 'бессознательное', поэтическая неизбежность', 'основа творчества' и т. п.;

- привлечение денотативной сферы «язык» для метафорического структурирования концептов, относящихся к различным (неязыковым) денотативным сферам, что говорит о присутствии лингвоцентризма в обеих национальных поэтических картинах мира.

5. Сущностное подобие метафорическому интерактивному механизму демонстрируют взаимосвязи в триаде «текст – претекст – посттекст». Интертекст, как и метафора, ориентирован на увеличение смысловой ёмкости текста, имеет «диалогическую» природу. В языке русской и белорусской поэзии выработан ряд приёмов структурно-смысловых преобразований метафоры, выходящей в интертекстовое пространство: трансформация структурного типа $A = B$ в структурный тип $A = B_1, B_2...B_n$; посттекстуальное развёртывание метафоры по принципу её превращения из бинарной (двучленной) в веерную (интегрирующую), т. е. из $A=B$ в $(A_1, A_2) = B$; расхождение прецедентной и вновь созданной на её основе метафоры на уровне *tertium comparationis* А и В-элементов. В отношении «диалога» могут вступать как метафоры одного идиостиля, так и метафоры, принадлежащие идиостилям разных авторов, как современников, так и отдалённых друг от друга во времени, принадлежащих как к одной, так и к различным лингвокультурам, что свойственно обеим национальным поэтическим традициям. Подобные метафорические «переключки» могут реализоваться в виде продолжения, развития или отрицания исходного тропеического образа. Интертекстовые «переключки» характерны как для метафорических образов, обладающих признаками регулярности, системности, обусловленной архетипической природой последних, так и для несерийных, индивидуально-авторских метафор.

6. Родственный метафоре интерактивный механизм, реализуемый во взаимодействиях «адресант – текст – адресат – внутритекстовые коммуниканты», основан на том, что *Я, ТЫ, МЫ, ОН* как составляющие информативно-образного кода поэтического текста должны быть адекватно интерпретированы, поскольку в поэтическом дискурсе возможны различные формы их взаимо- и перевоплощений, в том числе и метафорических. В языке русской и белорусской поэзии представлены три типа суппозитивных метафор (основанных на личных местоимениях), в целом аналогичных в структурно-семантическом отношении: 1) автометафоры – метафорические конструкции с личным местоимением 1-го лица единственного числа «Я» в качестве левого (А) элемента; 2) коалиционные метафоры – метафорические конструкции с личным местоимением 1-го лица множественного числа «МЫ» в качестве левого (А) элемента; 3) интерлокутивные метафоры – метафорические репрезентации собеседника (адресата поэтической речи) с местоимениями 2-го лица ТЫ и ВЫ. Определённые их национально-стилевые особенности

наблюдаются на семантико-стилистическом уровне. Метафорическому структурированию может подвергаться и вся коммуникативная цепь в целом, представленная на своих противоположных концах текстом адресованным и текстом воспринимаемым/воспринятым. Достигаться это может за счёт включения в текст типологически «не своих» конструктивных элементов (например, «иножанрового» заголовка), введения «ложноориентирующих» жанровых маркеров, авторского прогноза на восприятие текста, специфического фактора адресации (разговор с заведомо некоммуницирующим объектом, повествование от лица заведомо некоммуникационного объекта и т.п.), что отмечается в текстах и русских, и белорусских поэтов.

Личный вклад соискателя

Диссертация является результатом самостоятельной исследовательской работы автора. Основные положения и выводы, сформулированные в диссертации, получены автором лично и базируются на анализе самостоятельно собранного материала. При написании разделов 1.2.2, 1.2.3, 1.2.4, 1.2.5, 2.4 были частично использованы материалы нашей кандидатской диссертации,¹ которые составляют около 10 % от общего объёма диссертации.

Апробация результатов диссертации

Основные положения и результаты проведенного исследования прошли обсуждение на следующих научных конференциях: 3-й Междунар. науч. конф. «Язык и социум» (Минск, 2000); Междунар. науч. конф. «Русский язык в изменяющемся мире» (Минск, 2000); Междунар. науч. конф. «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе: Проблемы теоретической и исторической поэтики» (Гродно, 2000); 4-й Междунар. науч. конф. «Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай» (Мінск, 2000); 2-й Междунар. науч. конф. «Язык, слово, действительность» (Минск, 2000); 8-й Междунар. науч. конф. «Словообразование и номинативная деривация в славянских языках» (Гродно, 2000); VIII Междунар. Карских чтениях «Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм» (Гродно, 2000); Междунар. науч. конф. «Язык образования и образование языка» (Великий Новгород, 2000); Междунар. науч. конф. «Мастацкі вобраз: генезіс, эвалюцыя, сучасны стан» (Брест, 2001); Междунар. науч. чтениях «Русистика и белорусистика на рубеже веков. Вклад белорусских лингвистов, уроженцев могилёвщины, в науку» (Могилёв, 2001); Респ. науч.-метод. конф. «Актуальныя праблемы моўнай адукацыі вучняў ва ўмовах рэфармавання агульнаадукацыйнай школы» (Мозырь, 2001); Междунар. науч.

¹ Кураш, С. Б. Развёрнутая метафора в русском стихотворном тексте (приёмы построения и текстообразующая функция): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / С. Б. Кураш ; Бел. гос. пед. ун-т. – Минск, 1999. – 20 с.

конф. «Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин» (Мозырь, 2001); Междунар. науч. конф. «Стратегии коммуникативного поведения» (Минск, 2001); Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы преподавания и изучения русского языка в школе и вузе на современном этапе» (Нежин, 2001); Междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы исследования языка и речи» (Минск, 2001); Междунар. науч. конф. «Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах» (Гомель, 2001); Междунар. науч. конф. «Русский язык: система и функционирование» (Минск, 2002); Межвуз. науч.-практ. семинаре по проблемам современной семиотики «Знак. Символ. Образ» (Черкассы, 2002); Междунар. науч. конф. «Форма, значение и функции единиц языка и речи» (Минск, 2002); 2-й Междунар. науч. конф. «Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин» (Мозырь, 2003); Междунар. науч. конф. «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе: Проблемы теоретической и исторической поэтики» (Гродно, 2003); 3-я Всеросс. науч. конф. «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (Москва, 2003); Междунар. науч. конф. «Словообразование и номинативная деривация в славянских языках» (Гродно, 2003); Междунар. науч. конф. «Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах» (Гомель, 2003); Междунар. науч. конф. «Актуальныя праблемы функцыянавання і развіцця лексікі славянскіх моў» (Мозырь, 2004); IX Междунар. конф. «Текст. Структура и семантика» (Москва, 2004); II Междунар. науч.-практ. конф. «Профессиональный портрет преподавателя высшего учебного заведения XXI века: проблемы, перспективы» (Кировоград, 2004); Обл. науч.-практ. конф. с междунар. уч-ем «Слово в контексте народной культуры» (Белгород, 2004); III Междунар. науч. конф. «Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин» (Мозырь, 2005); IV Междунар. науч. конф. «Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах» (Гомель, 2005); Междунар. науч. конф. «Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў» (Мозырь, 2006); III Междунар. науч. конф. «Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П.Шубы)» (Минск, 2006); III Междунар. конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2007); междунар. науч. конф. «Имя и слово» (Брест, 2007); V Междунар. науч. конф. «Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах» (Гомель, 2007); Междунар. науч. конф. «Восточнославянские языки в европейском языковом контексте» (Могилёв, 2007); Междунар. науч.-практ. конф. «Традиции М.В. Ломоносова и современность. К 250-летию «Российской грамматики» М.В. Ломоносова» (Гомель, 2007); XI Междунар. Карских чтениях

«Ю.Ф. Карський і сучасне мовознавство» (Нежин, 2007); Міжнарод. науч. конф. «Взаємодія і взаємопроникнення мов і культур: стан і перспективи» (Вільнюс – Мінськ, 2008); XI Міжнарод. науч.-метод. конф. «Актуальні проблеми науки і освіти» (Новозыбков, 2008); Міжнарод. науч.-практ. конф. «Сучасні іноземні мови: проблеми функціонування і викладання» (Мозырь, 2008); Міжнарод. науч.-практ. конф., присв. 15-літтю общ-ва Кирила Туровського «Східні слов'яни: історична і духовна спільнота» (Гомель, 2008); VIII Міжнарод. науч. конф. «Мова і суспільство» (Мінськ, 2008); Міжнарод. форумі русистів «Сучасна мовна і літературна освіта в СНГ: діалог між теорією і практикою» (Мінськ, 2009); IV Міжнарод. науч. конф. «Російська мова: система і функціонування (к 70-літтю філологічного факультета)» (Мінськ, 2009); Міжнарод. науч. конф. «Мова – текст – дискурс: традиції і новаторство» (Самара, 2009); Міжнарод. науч.-практ. конф. «Куляшоўскія чытанні» (Могилёв, 2009, 2011, 2014); Міжнарод. науч.-практ. конф. «Лінгвістичні і методичні аспекти викладання іноземних мов» (Белгород, 2009); 2-я Міжнарод. науч. конф. «Фразеологія, знання і культура» (Белгород, 2010); Міжнарод. науч.-практ. конф. «Сучасна філологія в контексті взаємодії мов і культур» (Стерлітамак, 2011); III Міжнарод. науч. конф. «Мова і міжкультурні комунікації» (Мінськ, 2011); Міжнарод. науч. конф. «Мова – текст – дискурс: проблеми інтерпретації висловлювання в різних комунікативних сферах» (Самара, 2011); II Міжнарод. науч.-практ. конф. «Сучасні іноземні мови: проблеми функціонування і викладання» (Мозырь, 2011); III Міжнарод. науч. конф. «Східнослов'янські мови і літератури в європейському контексті» (Могилёв, 2012); Міжнарод. науч. конф. «Комп'ютерна лінгвістика: наукове напрoдження і навчальна дисципліна» (Гомель, 2012); VII Міжнарод. науч. конф. «Текст. Мова. Людина» (Мозырь, 2013); Міжнарод. науч. конф. «Мова – текст – дискурс: картина світу в світлі різних підходів» (Самара, 2013); Міжнарод. науч. конф. «Комп'ютерно-опосередована комунікація і дискурс» (Мінськ, 2014); Міжнарод. науч. конф. «Слово в часі і просторі: к 95-літтю со дня народження професора М.Г. Булахова» (Мінськ, 2014); Міжнарод. науч. конф. «Лексикографія і комунікація – 2015» (Белгород, 2015); XV Міжнарод. науч. конф. «Мова і мислення: психологічні і лінгвістичні аспекти» (Орехово-Зуєво, 2015); II Міжнарод. науч.-практ. конф. «Мовна політика і питання гуманітарної освіти» (Пенза, 2017); 3-й Міжнарод. науч. конф., присв. пам'яті поета і воїна І.Н. Григор'єва «Слово. Вітчизна. Віра» (Санкт-Петербург, 2018); Міжнарод. науч. конф. «Регіональна ономастика: проблеми і перспективи дослідження» (Вітебськ,

2018); X Междунар. науч. конф. «Текст. Язык. Человек» (Мозырь, 2019); XXVIII Междунар. науч. конф. «Язык и культура» (Киев, 2019); XIX Междунар. конф. «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», посв. 100-летию со дня рождения В.И. Кодухова (Покров, 2019); XX Междунар. конф. «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты», посв. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Москва-Покров, 2020); VIII Междунар. науч. конф. «Лексикография и коммуникация – 2022» (Белгород, 2022); Росс. науч. конф. с Междунар. уч. «Филология и новое знание – 2022» (Белгород, 2022).

Опубликованность результатов диссертации

Основные результаты исследования отражены в 115 научных работах, из которых 2 единолично написанные монографии (7,6 и 18,72 авт. л. соответственно); 2 монографии в соавторстве (общий объём – 9,3 авт. л.); 26 статей в белорусских и зарубежных рецензируемых периодических изданиях (10,75 авт. л.); 30 статей в сборниках научных трудов (9,5 авт. л.); 54 публикации в виде материалов выступлений на конференциях (15,35 авт.л.); 1 учебно-методическое издание (2,7 авт.л.). Общий объём опубликованных материалов составляет 73,92 авт. л.

Структура и объём диссертации

Диссертация состоит из перечня условных обозначений, введения, общей характеристики работы, пяти глав, заключения, библиографического списка и приложений. Основная часть диссертации (без введения, общей характеристики работы и заключения) изложена на 227 страницах и включает таблицы и рисунки, размещенные на 10 страницах. Полный объём диссертации составляет 397 страниц, в том числе 3 приложения (43 страницы). Библиографический список включает 429 наименований использованных специальных источников, расположенных в порядке появления ссылок на них в тексте диссертации (32 страницы). Список источников фактического материала представлен 816 позициями: 387 – на русском языке, 428 – на белорусском языке (в алфавитном порядке для каждого из языков в продолжение библиографического списка). Список публикаций соискателя представлен 115 наименованиями и занимает 12 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Глава 1 «Теоретические предпосылки исследования дискурсивных взаимодействий в метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов» состоит из трёх разделов.

В разделе **1.1 «Поэтическая метафора в аспекте исследовательского интереса к языку художественной литературы в русистике и белорусси-**

стике» метафора характеризуется как неотъемлемый и генетически присущий поэтическому стилю атрибут, как центральный троп в ряду других тропов. Под метафорическим континуумом в реферируемой работе понимается совокупное множество метафор в единстве с основной средой их возникновения, функционирования и взаимодействия в пространстве и времени (как между собой, так и с иными текстовыми элементами), которую образуют поэтические тексты (А. Г. Вильчинская, В. Д. Старичёнок и др.). В центре нашего внимания творчество тех белорусских и русских поэтов, с чьими именами устойчиво ассоциируется историко-литературный период середины – второй половины XX в., в основном именно тех авторов, для которых метафоричность является отличительной чертой идиостиля. Временной срез также выбран не произвольно: исследователи, литературные критики, сами художники слова неоднократно отмечали необычайно возросшую метафоричность, суггестивность, смысловую усложнённость поэзии XX века.

Раздел **1.2 «Генеративные способности поэтической метафоры: проблема метафорических контекстов»** освещает историю изучения поэтической метафоры как тропа. Характеризуются два основных сложившихся к настоящему времени в лингвистике подхода к трактовке метафоры в её минимальной протяжённости: 1) минимальная метафора – это метафоризируемое (т. е. меняющее своё исходное значение на переносное) слово в окружении неметафоричных слов; 2) минимальная метафора – это как минимум бинарное словосочетание, в котором так или иначе отражается когнитивная ситуация взаимодействия двух понятийных областей, и эту ситуацию отражает вся конструкция в целом. Первый из этих подходов является основой для лексикологического (семасиологического) и лексико-грамматического исследования метафоры; второй более продуктивен при изучении метафоры как тропа, как контекста, который способен разрастаться до охвата объёма всего текста и выходить в интертекстовой континуум.

Минимальные контексты представлены бинарными словосочетаниями (адъективные, генитивные, предикативные сочетания и приложения). Идентичными являются также основные структурные типы развёрнутых метафорических контекстов (однофокусные, многофокусные, многократные, интегрирующие, цепочечные), различные способы их модификации, а также конвергенции с другими видами тропов (метафоро-компаративные, метафоро-метонимические, метафоро-полисемические контексты).

В разделе **1.3 «Метафора в тексте и метафора-текст»** характеризуются способы функционирования метафоры в структуре поэтических текстов, представленные в лирических произведениях русских и белорусских авторов:

- метафора сосредоточена на определённом локальном текстовом отрезке, обычно периферийном в смысловом плане;
- метафора выступает в роли одного из ключевых структурно-смысловых и идейно-образных элементов текста;
- метафора функционирует и в качестве структурно-смысловой основы целых стихотворных текстов (собственно текстообразующая функция), в результате чего границы текста совпадают с границами тропа (тексты-тропы, тексты-метафоры).

Завершает данный раздел описание выявленных основных типов структурно-смысловой организации русских и белорусских поэтических текстов-метафор:

тип 1. $A = B$. Текст строится как развёртывание одной ключевой метафоры $A=B$, где A – базовое понятие (метафоризируемое), B – привлечённое понятие (метафоризирующее) (Е. Винокуров, «Вдохновенье»; У. Жылка, «Душа мая тужлівая...»);

тип 2. $A = B, C = D$: в качестве центрального предмета речи здесь фигурирует не один предмет или явление, а целая образная картина (Б. Слуцкий, «Журчит рассказ...»; Р. Барадулін, «Пад высветленымі дубамі...»);

тип 3. $A = (B1, B2, B3...)$ демонстрирует формирование и смену микротем путём введения нового сообщения о предмете, что достигается путём поочередного сталкивания A -элемента текстообразующей метафоры со сменяющимися друг друга $B1$ -, $B2$... Bn -элементами (В. Высоцкий, «Зарыты в нашу память на века...»; Г. Кляўко, «Першае слова»);

тип 4. $(A1, A2, A3...) = B$. Тексты, структурно организованные по данной модели, встречаются реже, чем тексты описанных выше типов. Они отражают попытки авторов найти нечто общее (объективное или субъективное) в разных предметах, понятиях или явлениях и интегрировать это общее в едином метафорическом образе (А. Вознесенский, «Шарф мой, Париж мой...»; Р. Барадулін, «Бульбяная балада»).

Вывод о структурной идентичности метафорических построений русских и белорусских авторов подтверждается выявленным индексом метафоричности, которым оценивается соотношение разных по протяжённости метафорических контекстов (единичных вкраплений, фрагментообразующих и текстообразующих метафор) для обеих поэтических систем. Этот индекс составил с учётом статистических отклонений 1,49 ~ 2,09 для русской поэзии и 1,51 ~ 1,87 для

белорусской¹. Несущественная разбежка в цифрах свидетельствует о том, что разные по протяжённости метафорические контексты для обеих поэтических систем по их частотности распределены примерно паритетно.

В разделе *1.4 «Метафора и «притекстовые зоны» дискурса: к постановке проблемы»* отмечается, что в XX веке наука о языке начинает оперировать такими понятиями, как «категория метафоричности», «метафора как универсалия», «метафора как модель» и т. п. Данный подход принимается в качестве основы для дальнейшей разработки метафорологии поэтической речи – её дискурсивного направления.

Рассматривая художественный текст, с одной стороны, как дискурсивное образование, обнаруживающее в качестве основных дискурсивных интеракций такие, как «текст – действительность», «текст – язык», «текст – интертекст», «продуцент – текст – реципиент» (Н. Д. Арутюнова, Е. А. Горло, В. А. Маслова, В. А. Миловидов, Т. В. Милевская, О. И. Ревуцкий и др.), а с другой – как семиотический объект (знаковое образование в единстве означаемого и означающего), мы выделяем несколько признаков метафороподобия художественного текста / дискурса:

- наличие интеракционального механизма, работающего как при образовании метафоры, так и в процессе порождения текста / дискурса;
- обусловленность данным механизмом свойства двуплановости (двусторонности), характеризующего любой знак, содержащий денотат (означаемое) и сигнификат (означающее), что также присуще как тексту, так и метафоре;
- установление между исследуемыми феноменами (метафора, текст, дискурс) отношений взаимовключения (части / целого), также ведущих к их изоморфизму.

Говоря о **дискурсивной модели художественного текста**, мы имеем в виду совокупность его основных интеракций: **текст – денотативная сфера** (бытие, действительность, вне-текст, экстралингвистический универсум); **текст –**

¹ Для определения данного показателя использовалась общая формула $M(\text{мет.}) = (1 \cdot E + 2 \cdot F + 3 \cdot T) / nM$, где E – количество текстов, в которых фиксируются отдельные метафорические вкрапления, F – количество текстов, в которых метафоры выполняют фрагментообразующую функцию, T – количество текстов-метафор, nM – количество всех текстов. Логика данного исчисления следующая: чем ближе значение индекса M(мет.) будет к 1, тем частотнее единичные метафорические вкрапления; чем ближе к 3, тем больший “удельный вес” имеют текстообразующие метафоры. Для вычисления статистических отклонений были рассчитаны среднее квадратичное отклонение от частоты анализируемого явления в выборке; вероятная абсолютная и относительная ошибка в определении средней частоты; минимальное количество выборок для заданных отклонений.

семиосфера (т. е. знаковое пространство, прежде всего, языковые знаки – от звуков до текстов); **текст – коммуниканты**. Именно их суммирование и даёт момент дискурса (или, если придерживаться позиции текстоцентризма, – дискурсивной модели текста). При этом метафора выступает как средство авторского рефлексивного реагирования на окружающие текст дискурсивные слои. В то же время как изоморфные, сущностно родственные метафоре ведут себя глубинные механизмы порождения и функционирования указанных выше дискурсивных интеракций поэтического текста, заданные свойствами человеческого мозга и – шире – базовыми параметрами основных феноменов бытия (бинарность, симметро-асимметрия и т. д.).

Поскольку метафорическое мышление обнаруживает в качестве своих дескрипторов не только индивидуально-стилевые, но и национально-языковые, а также наднациональные маркеры, весьма существенно определить их языковую специфику в метафорическом континууме той или иной поэзии, в частности, выявить общее и различное в метафорическом мировидении двух восточнославянских национальных поэтических систем – белорусской и русской.

Глава 2 «Метафора в структуре дискурсивных связей “поэтический текст – действительность”»: способы функционирования в языке русской и белорусской поэзии» представлена четырьмя разделами.

В разделе **2.1 «Метафора – текст – действительность: лингвосемиотическая природа отношений»** в качестве методологического положения принимается тезис об онтологической знаковости текста, выражающейся в диалектическом дуализме внетекстового и внутритекстового, объективного и субъективного, реального и вымышленного. Текст рассматривается как метафора действительности, её знак, её реконструкция, а метафора – как принцип взгляда на мир посредством текста. Метафоричность как свойство, онтологически присущее любому художественному тексту (знаку), эксплицируется высказываниями – поэтическими текстами (текстами-метафорами) и/или их фрагментами (локальными метафорами), которые можно назвать полиденотативными, т. е. такими, когда текст репрезентирует контаминацию двух взаимодействующих между собой денотативных пространств (денотативных сфер) – 1) основного, реального (подлежащего осмыслению) и 2) привлечённого, фиктивного (метафорической оболочки). Ведущей стратегией декодирования текста становится установление и интерпретация взаимоотношений этих денотативных сфер (эффект «двойного зрения»). Отдельные текстовые элементы могут распределяться между поверхностными (эксплицированными) смысловыми слоями текста и подтекстом (импликатурами).

В качестве критерия систематизации семиотически «отклонённых» текстов, распределённых между весьма разнообразными жанрами, причём не только поэтическими (сказками, аллегориями, мифами, баснями, фантастикой и пр.), принимаются параметры референтной ситуации текста в соотношении с его языковыми особенностями, на основании чего нами предложена следующая классификация:

- достоверные тексты с расчленённым двуденотативным пространством, основанные на соположении (параллелизме): они распадаются на две микроситуации, каждая из которых отражает одно денотативное пространство реального мира, а основание их соположения чаще всего проясняется путём выраженного элемента сравнения;
- достоверные тексты с переводом одного из денотативных пространств в подтекст, что характерно для аллегории и басни реалистического характера;
- недостоверные тексты с переводом одного из денотатов в подтекст – тексты сказочного и фантастического жанров, а также иносказательные (аллегорические) произведения и басни сказочного характера; отличие данной группы текстов от предыдущей в том, что одно из двух денотативных пространств здесь принадлежит не реальному, а возможному миру;
- тексты с контаминацией двух денотативных пространств – собственно тексты-метафоры, включающие два пересекающихся денотативных пространства с возникновением эффекта «наложения кадров».

В разделе **2.2 «Метафора как принцип семиотической организации поэтического текста»** очерчиваются общие подходы к трактовке метафоры в подобном ракурсе. В разделе **2.3 «Типы текстов по характеру интеракции денотативных пространств в поэтических текстах белорусских и русских авторов»** проведено разграничение достоверных и недостоверных текстов с расчленённым и нерасчленённым двуденотативным пространством. К последним относятся и тексты-метафоры.

Раздел **2.4 «Типы метафор по характеру семиотической градуальности»** посвящён выявлению градуального характера метафоры как лингвосомиотического механизма, лежащего в основе поэтического моделирования картины мира, с применением метода трансформации высказывания с позиций синтаксической деривации (по Л. Н. Мурзину и Т. В. Симашко), когда метафорические высказывания рассматриваются как результат контаминации двух условных исходных неметафоричных высказываний. Выявлена шкала отхода поэтических метафорических построений русских и белорусских поэтов от «реалистичности» к «неузуальности», к увеличению «семантического расстояния» между двумя совмещаемыми ситуациями:

• «слабая» («языковая», «стёртая») метафора, основанная на логико-синтаксической симметрии при совмещении двух условных исходных неметафоричных (прямых) высказываний: *Взметая снег, завывла вьюга* (Н. Рубцов); *Каля зоркі зорка / Уніз глядзіць, мігціць* (Я. Купала);

• сближение семантически отстоящих контаминируемых ситуаций, имеющих при этом достаточно очевидное основание их сближения на всех логико-синтаксических позициях, чем обеспечивается фактический автоматизм восприятия подобных построений читателем: *Надо жизни кувшин жадно выпить до дна* (В. Луговской) ≈ *[Надо жизнь прожить полноценно + Надо выпить кувшин до дна]; *Мы пілі маладосці віно* (П. Макаль); ≈*[Мы были маладымі + Мы пілі віно];

• конструкции, которые демонстрируют заметные отклонения в реализации принципа деривационной симметрии, что можно охарактеризовать как асимметрию количественного и качественного характера.

Под асимметрией количественного характера имеются в виду случаи большей компонентной распространённости одной из совмещаемых структур, которая включает в себя большее количество лексических элементов («избыточных»), к некоторым из которых не удаётся подобрать каких-либо аналогов в совмещаемой структуре: *На плечо мне лапа / Серьёзности легла* (Е. Винокуров) = *[Я стал серьёзным + На плечо мне легла лапа]; *Гадзіннічак тупае ножкай* (В. Шніп) = *[Гадзіннічак цікае + Нехта тупае ножкай].

Качественная асимметрия представлена следующими типами: асимметрия актантов и сирконстантов в условных совмещаемых высказываниях: *Победно надо мной / Ночь зажигала звёзды* (Е. Винокуров); *Журавінамі плача восень...* (У. Дубоўка); несовпадение актантов (агенса и пациенса): *Летописец дерева в стволе / пишет, как на письменном столе ... он по кругу вьёт свои заметки* (С. Кирсанов); *На акне сібірскія ліяны / Хтось малое смелаю рукой* (А. Пысін); «обмен» актантами: *На лице твоём, ласково-зыбкий, / Белый луч притворился улыбкой* (И. Анненский); *Кроў зарою цячэ з небасхілу...* (А. Александровіч); резкая семантическая разнокачественность предикатов (например, динамика vs. статика): *Раскройте вы книгу мою, / раскрыльте её для полёта! (...) Если бы знали вы, / как летать ей охота!* (М. Луконин); *З берага вербы / Зайшли на калені ў ваду, / Як франціхі (...) І чародка бяроз басанож / Выбгае на шлях – / Пахне вясною* (М. Казакоў).

Выявлены также «переходные» типы текстов, которые образуются путём комбинирования текстов-метафор с другими двуденотативными текстотипами (сказочно-фантастическими текстами, текстами-параллелизмами и др.); текст-метабола, характерные для поэзии метареалистов; метафороподобные выска-

звания и тексты, в которых создаётся эффект «псевдовозможного» мира (раздел 2.5 *«Смежнометафорические и метафороподобные интеракции денотативных пространств в белорусских и русских поэтических текстах»*).

В разделе 2.6 *«Национально-культурная специфика метафорического континуума русских и белорусских поэтических текстов»* отмечается, что культурная маркированность может сопровождать любой из структурных элементов компаративного тропа. В поэзии восточных славян, в частности, русских и белорусов, многие метафорические архетипы практически общие (например, «жизнь, течение времени – движение по дороге», «жизнь – цветение, смерть – увядание» и т. п.). Однако некоторые из них получили более активное развитие в одной из национально-поэтических языковых систем. Так, в белорусской лирике гораздо активнее, чем в русской, ведёт себя парадигма образов, восходящая к архетипическому уподоблению разных жизненных явлений и процессов всему, что связано с землёй, трудом на ней (сеянию, молотбе и т. п.), тогда как в русской поэзии к метафорам такого рода тяготеет лишь определённая группа идиостилей (поэты «есенинского направления», объединённые темой малой родины). В современной русской поэзии шире, чем в белорусской, представлены идиостили, склонные к интенсивной метафорике, к своеобразным неометафорам (кенотипам), основанным на базе реалий нового времени, артефактов современной социокультуры. Русская поэзия по сравнению с белорусской – это поэзия более широких пространственных координат; белорусские поэты в своём большинстве стремятся к локализации пространства в пределах сферы бытия, которая непосредственно окружает человека, иначе говоря, локализуют своё пространство в пределах «малой родины». Идиостили, ориентированные на максимально широкую пространственность, чаще всего метафоричны в большей степени по сравнению с идиостилиями локальных пространств. Это связано с активной эксплуатацией в них креативной (моделирующей) функции метафоры, т. е. функции создания новых концептов, что более актуально для выхода в неохваченные человеческим разумом границы.

Применение количественных методов и статистической обработки (тех же, что и для исчисления индекса метафоричности) засвидетельствовало более высокие индексы пространственности и интенсивности (креативности) метафорического континуума русских поэтов в сравнении с метафорическим континуумом белорусских поэтов. Для русской поэзии индекс пространственности находится в интервале 1,34 ~ 2,39; для белорусской соответственно 0,77 ~ 1,97. Индекс интенсивности (креативности) русских поэтов расположен в интервале

1,81 ~ 2,62; белорусских – 1,20 ~ 2,09¹.

В метафорическом континууме белорусских и русских поэтических текстов широко представлены факты сближения реалий одной культуры и разных культур, в соответствии с чем нами выявлены и разграничены интракультурные и интеркультурные метафоры. **Интракультурные** метафоры основываются на сближении понятий одной культуры («свое – своё»): *То по холмам, как три богатыря, Ещё порой проскачут верховые...* (Н. Рубцов); *Я веру, быццам сваякам: / Дарозе – / цётцы гаманлівай, / Дубам – задумлівым дзядзькам, / Пчале над белаю галінай* (А. Пысін). **Интеркультурные** тропы могут представлять собой различные варианты соединения разнокультурных реалий в рамках оппозиции «своего» и «чужого»:

• «свое» – «чужое»: *Дышала трава, Точно шкура вспотевшего льва...* (Н. Гумилёв); *Таму чужынец азварэлы / Снарады ўвінчвае ў пласты. / І выбухі ўстаюць, як дрэвы, / Як марсіянскія кусты* (А. Пысін);

• «чужое» – «чужое»: *Сібір, Сібір – халодная магіла, / Забыць цябе няма ніякай сілы, / Старая ведзьма, мачыха мая!* (М. Кавыль);

• «чужое» – «свое»: *Открыв травой набитый рот, Скакал, как лошадь, бегемот, И зверь, чудовищный на взгляд, С кошачьей мордой, а рогат – За ними.* (Н. Гумилёв); *Паўстаў Нью-Йорк перада мной... / З чым параўнаць? Мурашнік, вулей?* (П. Панчанка).

¹ «Индекс пространственности» **Р** вычислялся по общей формуле $R = (1 \cdot B + 2 \cdot S + 3 \cdot D) / nP$, где **B** – количество лексем, обозначающих ближайшее пространство, непосредственное пространственное окружение человека, а также их ассоциативы (наподобие *дом, дерево, сад, поле, лес, луг, нива, пасека, улица, трава, яблоня, ливень* и т. п.); **S** – лексемы, обозначающие средне отдалённое пространство, в более широких координатах, а также их ассоциативы (типа *океан, горы, облака, страна, город, туча, самолёт* и т. п.); **D** – лексемы, обозначающие наиболее обширные пространственные координаты, и их ассоциативы (типа *земля, простор, космос, вселенная, звезда, планета, небо, даль* и т. п.). Чем ближе значение индекса **Р** будет к 1, тем пространственные координаты будут стремиться к непосредственному окружению; чем ближе к 3 – тем они более обширны и стремятся к максимальным пределам. Для вычисления индекса интенсивности **М(интенс.)** использовалась формула $M(\text{интенс.}) = (1 \cdot A + 2 \cdot I + 3 \cdot K) / nM$, где **A** – количество традиционно-поэтических (архетипических) метафор, **I** – количество индивидуально-авторских метафор, не относящихся явно ни к архетипам, ни к кенотипам (денотативные сферы «артефакты», «творчество»), **K** – количество метафор, основанных на кенотипах (денотативные сферы «техника», «космос», «наука» и др.). Чем ближе коэффициент **М(интенс.)** к 1, тем более метафорика традиционна, архетипична; чем ближе к 3 – тем более «креативна», неологична, кенотипична.

В ряде случаев граница между «своим» и «чужим» стирается, нивелируется в силу освоенности в национальной картине мира инокультурных реалий: *Старажытная Белавежа – / Усхвалёваны акіяны* (П. Панчанка). Обращают на себя внимание и такие тексты, в которых «русское» и «белорусское» пространства метафорически концептуализируются в сфере «своего», как, например, в стихотворении А. Пысина «Побач з Расіяй», где в ключевом словесно-образном ряду представлены такие лексемы и синтагмы, как *такія ж (лугі, косы, вочы), побач, у сумесных баях, у добрай дружбе, усюды разам, зямля братняя* и т.п.

Третья глава называется «**Метафора в структуре дискурсивных связей “поэтический текст / дискурс – язык”**». В разделе 3.1 «**Язык как фигурант дискурсивной модели текста и объект поэтического рефлексирования**» в качестве отправного принимается положение о неразрывной связи понятий «язык» и «поэзия» для нашего сознания. Рефлексию над языком некоторые исследователи называют типологической особенностью литературы XX в. Непосредственное обращение авторов к фактам языковой денотативной сферы (понятийной области «ЯЗЫК» в самом широком её наполнении), прежде всего, отличает идиостилию таких русских поэтов XX века, как В. Маяковский, С. Кирсанов, Б. Пастернак, И. Бродский, А. Вознесенский, Д. Сухарев, Б. Ахмадулина и др. Из белорусских мастеров поэтического слова здесь можно отметить, прежде всего, Р. Бородулина, Н. Гилевича, В. Веремейчика, П. Макаля, Я. Сипакова, Г. Буравкина и нек. др.

В разделе 3.2 «**Метафороподобие отношений “содержание – фактура” в текстах русской и белорусской поэзии**» рассматриваются такие интеракции, как «Фоника, ритмика и метафорика», «Морфемно-словообразовательный уровень и метафорика», «Грамматика и метафорика», «Поэтическая графика, визуальный облик текста и метафорика». В частности, выявлены случаи семантического сближения двух понятий на основе ассоциаций по сходству звуковой стороны языкового знака, т. е. своеобразная семантически нагруженная идеофония и эвфония (звукоспись), метро-ритмическая метафора и пр.: *Колокола. Коллоквиум / колоколов. / Зарево их далекое / оволокло* (С. Кирсанов); *Шуміць ізноўку на шашы, / Шуміць, шуміць, шуміць машына. / Нідзе навокал ні душы, / Адно гамоняць шыны* (Р. Барадулін). Раскрыта способность к передаче образной информации на морфемно-словообразовательном уровне, когда кодируемая им образная информация «увеличивается в весе» до денотативно-сюжетной. Ср.: *Гыля, гыля вершаняты, вершаняты-птушаняты! / Годзе песціца, туліца у душы, як у гнязде! (...) Я ж пачую і заплачу: «Вершанё маё, дзіцятка. / І нашто цябе радзіў я, каб пакутаваць цяпер?..»* (Н. Гілевiч). Распространёнными приёмами, встречающимися как в текстах русских, так и в текстах белорусских поэтов, являются окказиональная констатация родства слов (не являющихся родственными на самом деле), ведущая к их метафорическому сталкиванию; «воскрешение» внутренней формы

ключевого слова-образа с дальнейшим развёртыванием текста по линии метафоризации; деконструкции языка – смещение центра тяжести с языковых единиц на их сегменты и др.: *Есть в русском «люмпен» от слова «любят»...* (А. Вознесенский); *Купала, / купалле / і купал нябёс...* (У. Карызна).

Характеризуя место грамматического уровня в формировании тропеичности текста, мы имеем в виду момент «рассогласования» «лексики» и «грамматики» текста, что ведёт к образной нагруженности морфологических и синтаксических категорий. Так, в стихотворении В. Коризны «Мой лес» момент «рассогласования» лексики и грамматики (относительно категории рода) намеренно эксплицируется автором и, более того, выносится в самое начало текста, что позволяет далее реализовать текстообразующую веерную двушаговую метафору «лес – мужчина» → «лес – мать»: *Хоць лес / і мужчынскага роду, / З мужчынскім характарам, / хваткай, / Ды ў ваенную непагоду / Для нас ён / быў маткай.*

На уровне взаимодействия содержательной стороны и визуального облика текста отмечен целый ряд случаев, когда последний наделяется функцией акцентуатора текстовой семантики («Треугольник» В. Брюсова; «Звезда» И. Рукавишников; «Ад» С. Кирсанова; «Фонтан» И. Бродского; «Хвост мыши» В. Набокова; «Спалёная веска» Ю. Пацюпы; «Шлях», «Поўня», «Кветка», «Твар», «Літарызацыя рукі», «Я чуў голас...» А. Кавалеўскага; «Антычны дождж» В. Аксак; «Кпіны вечназялёнае яліны» І. Лагвіновіча и др. Подобное дублирование содержания текста его внешне-языковой фактурой (конфигурацией), т. е. визуальная метафора, известно ещё со времён средневековой поэзии («фигурная поэзия» Симеона Полоцкого).

Раздел **3.3 «Языковые феномены как фигуры метафорических моделей в текстах русских и белорусских поэтов»** посвящён вовлечению в поэтический метафорический континуум достаточно широко представленной в белорусской и русской поэзии филологической денотативной сферы (с концептом «Язык» в качестве её смыслового центра). Исследованный материал даёт основания утверждать, что язык включается в «метафорический оборот» русской и белорусской поэзии во всех ведущих функциях – коммуникативной, когнитивной, аккумулятивной, эстетической и др., а также в своей системно-структурной устроенности; образному структурированию подвергаются факты как родного, так и других языков. Значительную часть метафорических репрезентаций концепта «Язык» в обоих рассматриваемых поэтических дискурсах занимают контексты с отчётливо выраженным национально-культурным компонентом. Так, у белорусских поэтов в фокус художественной метафоры попадает прежде всего родное, живое слово, весьма характерны метафорически структурированные рефлексии по поводу современного состояния белорусского языка, его непростых исторических судеб.

Денотативная сфера «язык» представлена как при структурировании «левого», так и «правого» элементов метафоры: язык способен не только подвергаться метафорическому осмыслению, но и функционировать как источник образно-метафорического осмысления неязыковых объектов и явлений, например, «**природа**»: *Раскинувши нив алфавиты, / Россия волшебною книгою / Как бы на серёдке открыта* (Б. Пастернак); «**предметы**»: *Лишь две дуги карнизов тут скользят, / как буквы «с», слетев со слова «касса»* (И. Бродский); *Нават стаў акіян запа-рожцам адчайным / Як звонкае «о», / гальку у роце качае* (Р. Барадулін) и др.

Завершающий данную главу раздел **3.4 «Метафора как объект поэтической рефлексии»** посвящён осмыслению широко представленных рефлексивных реакций на само понятие «метафора» в русском и белорусском литературно-художественном и философско-литературном дискурсах. Проведённое исследование даёт нам основание утверждать, что слово *метафора* переживает динамичную стадию своего семантического обогащения, концептуализации. Концепт «метафора» – ёмкий и сложный, амбивалентный, семантически подвижный, и наиболее полное представление о его смысловом объёме можно получить только из обобщения большого корпуса употреблений данного слова в различных видах дискурсивных практик. Но главное в любых рассуждениях о метафоре, в том числе с позиций *pro & contra*, – изначально определиться с концептуальным наполнением данного терминоконцепта. Нам представляется весьма важным провести грань: **собственно метафора** (например, конкретная фраза, конкретный образ) vs. **принцип метафоры** (метафорообразие). Последнее – понятие семиотическое, а не филологическое. По базовым своим свойствам знак (семиотический объект) более чем родственен метафоре. Метафора в этом смысле – знак знака, знак в квадрате.

Глава 4 «Метафорический континуум русской и белорусской поэзии: интертекстовые взаимодействия» базируется на идее изоморфизма интертекста и метафоры, сущность которого проявляется через объединяющую их категорию интерактивности, определяющую диалогическую природу словесного искусства (по М. М. Бахтину). Функционирование метафоры в интертексте связано с её «движением» в направлении: текст – идиостиль – контекст литературного направления (школы, стиля) – национальный литературно-художественный дискурс – литературно-культурный макроконтекст. Интертекст, таким образом, является максимальным контекстным «пределом» метафоры, который, в свою очередь, сам имеет весьма условные границы. Данное положение раскрывается в разделе **4.1 «К определению интертекстуальности и основаниям изоморфизма метафоры и интертекста»**.

Раздел **4.2 «Дискурсивный аспект: диалоги с метафорами и диалоги метафор»** посвящён выходу метафоры в интертекстуальное пространство, где порождается явление метафорического «диалога». При этом в каждом после-

дующем «перевоплощении» троп претерпевает те или иные структурно-смысловые изменения, тем самым процесс тропообразования осуществляется далее, за пределами текста-источника.

Интертекстуальное поле межкультурного метафорического диалога может быть более или менее обширным, протяжённым. В нём можно обнаружить следующие типы взаимодействий: текст – фрагмент текста; текст – текст; текст – совокупность, объединение текстов.

В интертекстуальном пространстве белорусского и русского поэтических дискурсов выявлены два типа подобного «диалога» с участием метафор. Первый тип – это диалог «неметафора – метафора», когда словесный метафорический образ в последующем тексте формируется на базе неметафорического образа прецедентного текста: Ср.: ... и днём и ночью / шар учёный / всё ходит / вокруг своей оси (С. Кирсанов); *За табой, як кот вучоны, / Я ішоў на ланцугу* (Ф. Гурыновіч). Второй тип интертекстуального диалога с участием метафоры – собственно «диалоги метафор», т. е. тот случай, когда во вновь созданном тексте имеет место воспроизведение именно прецедентного метафорического образа, источник которого способен идентифицироваться: *Упала зорачка мая / на воды цёмныя патуны; / і з поля зроку знік маяк, / што асвятляў акно ў Еўропу* (І. Лагвіновіч).

Продолжая «жизнь» в интертекстовом пространстве, метафорический образ может подвергаться структурно-смысловым преобразованиям.

1. Дополнение метафоры исходного текста следующим шагом развёртывания, т. е. трансформация структурного типа $A = B$ в структурный тип $A = B_1, B_2...B_n$. Так, Г. Буравкин, откликаясь на метафору П. Панченко *На пісьмовы стол, / Нібы на плаху, / Болей / Галавы не пакладу*, также дополняет её новыми шагами развёртывания: «письменный стол – суровый судья»; «письменный стол – придорожная трава», ср.: *Колькі ні клянi свой стол пісьмовы, / Колькі ні хавайся ў сiні сад, / Усё роўна, / як суддзя суровы, / Зноў вяртае ён цябе назад. / І, быць можа, ў тым ямное шчасце, / Каб, / высока ўзняўшы галаву, / На пісьмовы стол яе пакласці, / Як на прыдарожную траву.*

2. Посттекстуальное развёртывание метафоры по принципу её превращения из бинарной в веерную, т. е. из $A=B$ в $(A_1, A_2... A_n) = B$: *Танки ідуць по Праге / в закатной крыві рассвета. / Танки ідуць по правде, / якая не газета. / Страх – гэта хамства аснова. / Охотнорядскія хари, / вы – гэта помесь Ноздрёва / і чалавека в футляры. / Совесть і гонар вы попрали. / Чудзіщем едзе брэхастым / в танках-футлярах по Праге / страх, броніраваны хамствам* (Е. Евтушенко). Как видно, поэт использовал для создания нового метафорического образа (*танки-футляры*) знаменитую чеховскую метафору-символ *человек в футляре*, в результате чего метафорический образ *футляра* (В) стал интегративным по отношению к *человеку* (A_1) и *танку* (A_2).

3. Прецедентная и вновь созданная на её основе метафоры могут расходиться на уровне интегральных семантических множителей А и В-элементов: *Как весело стихи свои вести / Под цифрами, в порядке, строй за строем, / Не позволять им в сторону брести, / Как войску, в пух рассыпанному боем!* (А. Пушкин). Приведённый контекст позволяет выделить такие интегральные семы для понятий *стихи* и *войска*, как 'гармония', 'упорядоченность'. Та же метафора («стихи – войска») у В. Маяковского основана на актуализации других интегральных сем – 'сила', 'действенность', 'острота' и т. п.: *Парадом развернув / моих страниц войска, / я прохожу / по строчечному фронту. / Стихи стоят / свинцово-тяжело, / готовые и к смерти, / и к бессмертной славе...* («Во весь голос»).

Особенностям интертекстовой метафорики белорусских и русских поэтов, а также её взаимосвязям посвящён раздел **4.3 «Поэтическая метафора в межкультурном (белорусско-русском) интертекстовом континууме»**. Устойчивые и разнообразные переключки текстов белорусских и русских поэтов, относящиеся к явлениям белорусско-русского художественного билингвизма (А. А. Гируцкий), позволяют говорить о русско-белорусском поэтическом интертексте как об особом его феномене, где в весьма высокой степени проявлена культуроскрепляющая функция метафоры. Метафорические словесные образы принадлежат к числу «сильных позиций», «фокусов» белорусско-русского интертекстового пространства. Здесь общность метафорики обнаруживается не только на уровне реализации архетипических моделей, но и в виде прямого диалогизирования конкретных текстов (их метафорических фрагментов) конкретных авторов. В диалогизировании метафорики русских и белорусских поэтов абсолютно преобладающим является вхождение русского интекста в текст белорусского автора, причём большинство подобных метафорических переключек реализуется в виде продолжения и развития исходного (прецедентного) тропеического образа.

Глава 5 «Метафорическое структурирование коммуникативных ситуаций в русском и белорусском поэтических дискурсах» посвящена особенностям метафорического структурирования «коммуникативной рамки» русского и белорусского лирического дискурса. В открывающем её разделе **5.1 «Специфика художественной (поэтической) коммуникации с точки зрения лингвометафорологии»** лирическая и – шире – литературно-художественная коммуникация характеризуется как достаточно специфическая часть вербальной коммуникации в целом. При этом путь поэта к метафоре при выстраивании коммуникативной перспективы поэтического текста представляется как путь к диалогу с самим собой, с читателем, а также с любым фигурантом общекультурного глобального диалога в бахтинском понимании. Одновременно это и встречный путь – от сущностных свойств метафоры к обретению ею статуса коммуникативно значимого феномена при развёртывании литературно-художественного дискурса.

В разделе 5.2 «Текстовые коммуниканты в метафорическом преломлении» анализируются три основных коммуникативных типа метафор, свойственных русскому и белорусскому лирическим дискурсам: **автометафоры** («Я-метафоры»), **коалиционные метафоры** («МЫ-метафоры») и **интерлокутивные метафоры** («ТЫ/ВЫ-метафоры»), а также метафорическая репрезентация коммуникативных ситуаций с разными видами коммуникантов. В языке белорусской и русской поэзии большинство моделей и конструкций метафорической репрезентации лирических коммуникантов и коммуникативных ситуаций в целом идентичны.

Суппозитивные, т.е. основанные на личных местоимениях (по В. Д. Старичёнку) автометафоры могут структурировать различные аспекты Я-концепта по критерию его статуса в самом широком спектре оценок. Выделены две базовые модели подобного рода автометафор: «Я – (не) Я» и «Я – ДРУГОЙ».

Метафорическому структурированию могут подвергаться и различные аспекты МЫ-концепта в самом широком спектре оценок (собственно коммуникативном, аксиологическом, культурологическом, социокультурном и пр.). Наиболее характерными для обоих исследуемых национальных поэтических дискурсов являются следующие метафорически структурированные ракурсы лирического «МЫ»: концептуализация идеи единения лирического Я с окружающими людьми, социумом, природой, Космосом, идеи сходства судеб, предназначения, общности идеалов; концептуализация «МЫ» как малой части чего-то огромного, неизмеримо большего (Вселенная, космос, человечество и т. д.); метафорическая репрезентация лирического «МЫ» в контексте семантики большого множества (Много, Простор, Космос, Абсолют, История).

В качестве наиболее характерных интерлокутивных метафор в текстах современной белорусской и русской лирики функционируют следующие тропеически структурированные ТЫ/ВЫ-позиции: «ТЫ» обобщённое; «ТЫ = X = Я»; «ТЫ = Я / Я = ТЫ»; «ТЫ / ВЫ любовное»; «ВЫ вежливости»; «ВЫ множественное» и др.

Чаще всего в анализируемых лирических дискурсах представлены сложно устроенные коммуникативные ситуации, включающие в себя не один, а несколько коммуникативных статусов участников, различные их модификации, ракурсы, смены статусов и пр. На исследуемом материале в качестве основных нами выявлены следующие модели метафорически структурированных лирических коммуникативных ситуаций такого рода: модель «Я – ТЫ/ВЫ»; модель «МЫ – ВЫ/(ТЫ)»; модель «Я/МЫ – ОН/ОНИ» и др.

В ряде случаев наблюдаются определённые национально-стилевые особенности в плане реализации текстового, когнитивно-дискурсивного и лингвокультурного потенциала суппозитивных метафор. Например, конструкции,

концептуализирующие идею широкого коалиционного «МЫ», в русском поэтическом дискурсе демонстрируют тенденцию к стилистической возвышенности контекста за счёт частотного употребления в качестве правого (В-) элемента метафоры поэтически маркированной лексемы *сыны*. В белорусских контекстах аналогичного плана в этой же функции доминирует лексема *дзеці*, а в качестве ближайших контекст-партнёров в большинстве случаев фигурируют лексемы типа *Беларусь, радзіма, маці-радзіма*, региональные названия и т. п.

В разделе 5.3 «*Дискурсивная интеракция “текст в акте адресации” vs. “текст в акте восприятия”*» показано, что метафорическому структурированию могут подвергаться не только отдельные фигуранты коммуникативной ситуации лирического текста (коммуниканты), но и вся коммуникативная цепь в целом, представленная на своих противоположных концах текстом адресованным и текстом воспринимаемым. Речь идёт о тех случаях, когда облик адресованного текста и/или характер его адресации подвергается метафоризации и на выходе мы получаем некий иной, переосмысленный облик текста (в тематическом, жанровом, смысловом и прочих отношениях). Иными словами, действие метафорического механизма обнаруживается на уровне канала передачи текста и сопровождающих эту передачу авторских интенций и/или ожиданий от адресата. В текстах белорусских и русских поэтов фиксируются различные варианты коммуникативной ситуации, структурированной подобным образом. Это, например, «нестыковка» текста как целого и отдельных содержащихся в нём жанровых маркеров; диалог автора с воображаемым читателем; разговор с заведомо не коммуницирующим объектом; повествование от лица заведомо не коммуницирующего объекта; создание коммуникативной и временной дистанции между автором и читателем и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Исследование лингвистической природы поэтической метафоры имеет длительную историю. Наибольшее развитие получило изучение метафоры как поэтического тропа. Выделяются следующие способы функционирования метафоры, представленные в лирических произведениях русских и белорусских авторов: метафора – локальный текстовой отрезок; метафора – один из ключевых структурно-смысловых и идейно-образных элементов текста; метафора – структурно-смысловая основа целого текста (собственно текстообразующая функция), когда граница текста совпадает с границами тропа (текст-троп). Существенных различий в функционировании поэтической метафоры в её различных контекстных протяжённостях для двух языков не обнаружено, что подтверждается количественно-статистической обработкой материала: соответствующий показа-

тель (индекс метафоричности) находится приблизительно в одном и том же интервале: 1,49 ~ 2,09 для русской и 1,51 ~ 1,87 для белорусской поэзии.

В последние десятилетия XX века вектор исследования метафоры сместился в сторону придания ей более значимого (в сравнении с традиционно-риторическим) статуса. Метафора изучается в структуре протяжённости, больших, чем словосочетания и фразы, и в первую очередь – в тексте и как текст.

Ключевым для дискурсивного изучения поэтической метафоры является такое её свойство, как интерактивность, т. е. способность совершать и вербально фиксировать момент взаимодействия смыслов. Это свойство делает метафору одновременно изоморфной знаку (метафора – знак знака, знак «в квадрате») и дискурсу (действенной ипостаси текста). При этом метафора – активный фигурант «притекстовых зон» дискурса, т. е. тех интеракций, в которых поэтический текст проявляет себя как эстетически нагруженный коммуникативно ориентированный знак. К ним относятся разнообразные взаимодействия текстов с внеязыковым универсумом (действительностью), языковым универсумом, интертекстом (совокупностью как претекстов, так и посттекстов) и коммуникативной ситуацией.

Статус поэтической метафоры как дискурсивно ориентированного феномена в анализируемых национальных поэтических стилях является универсальным. Национально-языковая специфика русского и белорусского поэтических метафорических континуумов частично (на уровне конкретных лексических наполнений и идиостилевых предпочтений) проявляется в основном по отношению к области конкретно-языковых фактов актуализации ведущих дискурсивных интеракций посредством метафоры, в то время как структурные типы организации тропеических конструкций в целом идентичны [1; 2; 4; 6; 7; 10; 11; 13; 16; 19; 21; 32; 35; 39; 41; 45; 47; 48; 49; 50; 53; 57; 66; 67; 68; 71; 73; 75; 78; 79; 81; 82; 83; 85; 93; 95; 97; 98; 101; 102; 115].

2. В качестве рабочего методологического положения был принят тезис об онтологической знаковости текста, выражающейся в диалектическом дуализме внетекстового и внутритекстового, объективного и субъективного, реального и вымышленного. В этом смысле художественный текст рассматривался как метафора действительности, её знак, её реконструкция, а метафора – как принцип взгляда на мир посредством текста. В рамках связей «текст – действительность» у текста-знака с действительностью обнаружены «метафороподобные» отношения сходства/несходства (реалистичности/фантастичности, истинности/ложности и пр.).

Метафоричность как свойство художественного текста базируется на полиденотативности – контаминации двух взаимодействующих денотативных пространств – 1) основного, реального (той предметной области, денотативной сферы, которая подлежит осмыслению) и 2) привлечённого, «фиктивного» (метафори-

ческой оболочки) для осмысления основного денотата. Ведущая стратегия декодирования текста – установление и интерпретация взаимоотношений этих денотативных сфер друг к другу (эффект «двойного зрения»).

Использование поэтами обеих лингвокультур приёмов метафоризации, ориентированных на расподобление узуальной и поэтической картин мира, – один из активных языковых процессов, определяющих облик белорусской и русской поэтической метафорики. В качестве критерия систематизации семиотически «отклонённых» текстов были приняты параметры референтной ситуации текста в соотношении с его языковыми особенностями, на основании чего нами предложена следующая классификация:

- достоверные тексты с расчленённым двуденотативным пространством – тексты, основанные на соположении (параллелизме): они распадаются на две микроситуации, каждая из которых отражает одно денотативное пространство реального мира, а основание их соположения чаще всего проясняется путём выраженного элемента сравнения;

- достоверные тексты с переводом одного из денотативных пространств в подтекст, что характерно для жанров аллегории и басни реалистического характера;

- недостоверные тексты с переводом одного из денотатов в подтекст – тексты сказочного и фантастического жанров, а также иносказательные (аллегорические) произведения и басни сказочного характера; отличие данной группы текстов от предыдущей в том, что одно из двух денотативных пространств здесь принадлежит не реальному, а возможному миру;

- тексты с контаминацией двух денотативных пространств – собственно тексты-метафоры.

Выявлен (с применением метода трансформации высказывания с позиций синтаксической деривации) градуальный характер метафорики как лингвосемиотического механизма, лежащего в основе поэтического моделирования картины мира. Анализируемые метафорические конструкции распределены по шкале отхода от «реалистичности» к «неузуальности», к увеличению «семантического расстояния» между двумя совмещаемыми ситуациями: от «слабой» («языковой», «стёртой» метафоры) до конструкций, демонстрирующих заметные отклонения в реализации принципа деривационной симметрии [2; 4; 5; 9; 17; 20; 24; 32; 45; 55; 62; 65; 68; 71; 73; 74; 75; 77; 95; 98; 101; 102; 113; 115].

3. Культурная маркированность может сопровождать любой из структурных элементов компаративного тропа. Следовательно, метафорический континуум той или иной национальной поэзии способен транслировать не только интракультурную, но и интеркультурную информацию. Интракультурные метафоры основываются на сближении понятий одной культуры («своё – своё»). К ним относятся традиционные тропы, фоновые формулы национальной поэзии. Подобная мета-

форика обычно является средством усиления представления о том или ином предмете (явлении, понятии) как неразделимо близком, родном, что в наибольшей степени характерно для текстов, посвящённых темам Родины, дружбы, любви. Интеркультурные тропы представляют собой различные варианты соединения разнокультурных реалий при структурировании оппозиции «своего» и «чужого»: «своё – чужое»; «чужое – чужое»; «чужое – своё».

Русская поэзия по сравнению с белорусской стремится к охвату более широких пространственных координат; белорусские поэты обычно локализируют своё пространство в пределах сферы бытия, которая непосредственно окружает человека, в границах «малой родины», для чего характерны антропоморфные и зооморфные метафоры, восходящие к архетипам и устоявшимся поэтическим формулам («жизнь – сеяние», «жизнь – цветение», «смерть – увядание» и т. п.). В русской поэзии XX в. несколько шире, чем в белорусской, представлены идиостили, склонные к своеобразным неометафорам, основанным на базе реалий нового времени, артефактов современной социокультуры. Данные тенденции подтверждаются количественными данными: с учётом статистических отклонений индекс пространственности составил 1,34 ~ 2,39 для русской поэзии и 0,77 ~ 1,97 для белорусской поэзии; индекс интенсивности (креативности) находится в интервале 1,81 ~ 2,62 (русская поэзия) и 1,20 ~ 2,09 (белорусская поэзия).

Обращают на себя внимание и такие поэтические тексты, в которых «русское» и «белорусское» пространства метафорически концептуализируются в сфере «своего» [2; 4; 13; 14; 25; 31; 38; 60; 70; 84; 89; 93; 108; 109].

4. Языковую рефлексию некоторые исследователи называют типологической особенностью литературы XX в. Одной из форм такого рефлексирования (а в некоторых случаях и его содержанием) выступает поэтическая метафорика. Эксплицитная филологичность отличает идиостили таких русских поэтов, как С. Кирсанов, Б. Пастернак, И. Бродский, А. Вознесенский, Д. Сухарев, Б. Ахмадулина и др., а из белорусских мастеров поэтического слова – Р. Бородулин, Н. Гилевич, В. Веремейчик, П. Макаль, Я. Сипаков, Г. Буравкин и нек. др. Раскрыта сущность метафороподобия отношений «содержание – фактура» поэтического текста, а также выявлены формы участия фигурантов концептуального пространства «Язык» в метафорическом структурировании поэтической картины мира русскими и белорусскими поэтами.

Метафорические образы языка и филологических феноменов в текстах современной русской и белорусской поэзии достаточно разнообразны. Вместе с тем выявлены некоторые наиболее устойчивые парадигмы (серии) образов, характеризующие данную денотативную сферу как объект поэтической метафорики: «язык – живой организм»; «язык – природное явление, гармония природы». Зна-

чительную часть метафорических репрезентаций концепта «Язык» в обоих рассматриваемых поэтических дискурсах занимают контексты с отчётливо выраженным национально-культурным компонентом. Так, у белорусских поэтов в фокус художественной метафорики попадает прежде всего родное, живое слово; кроме того, для белорусской поэзии весьма характерны метафорически структурированные рефлексии по поводу современного состояния белорусского языка, особенностей его функционирования в обществе, его непростых исторических судеб.

Денотативная сфера «язык» представлена как при структурировании левого, так и правого элементов метафоры: язык не только сам подвергается метафорическому осмыслению, но и является источником для образно-метафорического осмысления неязыковых объектов и явлений действительности. Образному структурированию подвергаются факты как родного, так и других языков.

Рефлексивные реакции на само понятие «метафора», представленные в литературно-художественном и философско-литературном дискурсах, позволяют утверждать, что само слово *метафора* переживает динамичную стадию своего семантического обогащения, концептуализации. Концепт «метафора» – семантически ёмкий, семиотически амбивалентный. Но главное в любых рассуждениях о метафоре, в том числе с позиций *pro & contra*, – изначально определиться с концептуальным наполнением данного термина-концепта, т. е. провести грань: собственно метафора (например, конкретная фраза, конкретный образ) vs. принцип метафоры (метафороподобие) [2; 4; 12; 18; 26; 29; 40; 43; 46; 47; 48; 51; 54; 56; 59; 62; 68; 69; 87; 88; 90; 94; 99; 100; 104; 105; 106; 107; 110; 112; 115].

5. Интертекст метафорообразен по своей сути, по природе, по своему семиозису и коммуникативной оформленности. Одно и то же стремление – ассоциировать, уподоблять, создавать сходство – характеризует и метафору (когда речь идёт о предметах и явлениях действительности), и интертекст (когда речь идёт о текстах). Подобие интертекста и метафоры проявляется через объединяющую их и являющуюся конститутивной категорией интерактивности, определяющую диалогическую природу словесного искусства (по М. М. Бахтину).

Выход метафоры в интертекстуальное пространство порождает чрезвычайно интересное явление метафорического «диалога». При этом имеется в виду, что в каждом своём последующем «перевоплощении» троп претерпевает те или иные структурно-смысловые изменения, тем самым деривационный тропообразовательный механизм продолжает работать за пределами текста-источника в направлении «текст – идиостиль – контекст литературного направления (школы, стиля) – контекст эпохи – национальная литература – мировая литература – мировая художественная культура». К наиболее характерным структурно-смысловым преобразованиям можно отнести

следующие: дополнение исходной метафоры следующим шагом развёртывания, т. е. трансформация структурного типа $A = B$ в структурный тип $A = B_1, B_2 \dots B_n$; посттекстуальное развёртывание метафоры по принципу её превращения из бинарной (двучленной) в веерную (интегрирующую), т. е. из $A=B$ в $(A_1, A_2) = B$; прецедентная и вновь созданная на её основе метафоры могут расходиться на уровне *tertium comparationis* A и B-элементов.

В отношения диалога активно вступают как метафоры одного идиостиля, так и метафоры, разделённые и пространством (принадлежностью идиостилям разных авторов), и временем, и различными лингвокультурами (переключки / диалоги / споры с текстами классиков и современников, близких и/или отдалённых в идейно-тематическом, эстетическом, творческом планах). Интертекстуальное поле межкультурного метафорического диалога может быть более или менее обширным, протяжённым: текст – фрагмент текста; текст – текст; текст – совокупность, объединение текстов.

Устойчивые и разнообразные «переключки» текстов белорусских и русских поэтов, относящиеся к явлениям белорусско-русского художественного билингвизма, позволяют говорить о русско-белорусском поэтическом интертексте как об особом континууме, где в весьма высокой степени проявлена «культуроскрепляющая» функция метафоры. Метафорические словесные образы принадлежат к числу «сильных позиций», «фокусов» белорусско-русского интертекстового пространства. Здесь общность метафорики обнаруживается не только на уровне реализации архетипических моделей, но и в виде прямого диалогизирования конкретных текстов (их метафорических фрагментов) конкретных авторов.

Среди основных функций такого диалогизирования – расширение культурно-семантического поля текста, актуализация национально-культурного компонента образа. В диалогизировании метафор русских и белорусских поэтов абсолютно преобладающим является вхождение русского интекста в текст белорусского автора. Большинство подобных метафорических переключек реализуется в виде продолжения и развития исходного (прецедентного) тропеического образа; контрастивная оппозиция метафор в белорусско-русском поэтическом континууме представлена немногочисленными примерами [1; 2; 3; 4; 7; 15; 25; 28; 30; 32; 33; 36; 42; 44; 52; 58; 61; 63; 68; 72; 76; 80; 84; 91; 92; 103; 115].

6. Лирическая и – шире – литературно-художественная коммуникация представляет собой достаточно специфическую часть вербальной коммуникации в целом. На сущностно родственном метафоре интерактивном механизме основан и канал передачи образной информации от адресанта к адресату в процессе порождения/восприятия текста/дискурса. Определение параметров коммуникативной ситуации поэтического текста часто оказывается сродни разгадыванию метафоры: коммуниканты как составляющие информа-

тивно-образного кода так же, как и другие образы, должны быть адекватно интерпретированы («разгаданы»). В соответствии с природой самой поэзии с имманентно присутствующим ей антропоцентризмом, одно из ведущих мест здесь занимает лирическая авторефлексия. Поэтический дискурс в большей степени, чем какой-либо иной, Я-центричен. В структурировании Я-концепта поэтического дискурса весьма заметная роль принадлежит метафоре.

Суппозитивные автометафоры могут структурировать различные аспекты Я-концепта по критерию его статуса (собственно коммуникативный, аксиологический, культурологический, социокультурный и пр.). Выделены две базовые модели подобного рода автометафор: «Я – (не) Я» и «Я – ДРУГОЙ». Первая реализуется в следующих вариантах: «Я» – пространство, форма бытия, самолокализация; «Я» – предмет, понятие, явление, лицо/статус, нелицо и пр. Оппозиция «Я – другой» обнаруживается в разноплановых проявлениях, связанных с последовательным помещением «Я» в различные по объёму хронотопы. Как правило, подобные автотропы отмечены заметной лингвокультурологической (этнокультурной, социокультурной) маркированностью. Это, в частности, метафорическая идентификация с другим известным лицом, для чего используется обращение к прецедентным фоновым онимам, относящимся, как правило, к сфере литературы и культуры; репрезентация отношений лирического «Я» с совокупностью других «Я», например, с социумом, нацией и т. п.; репрезентация отношения «Я» к некоторому иерархически высшему началу.

Метафорические конструкции с местоимением МЫ в «левой» части квалифицированы как «суппозитивные коалиционные метафоры». Метафорическому структурированию могут подвергаться различные аспекты МЫ-концепта в широком спектре оценок (собственно коммуникативном, аксиологическом, культурологическом, социокультурном и пр.).

Метафорические репрезентации собеседника (адресата поэтической речи) предполагают создание тропеических построений с местоимениями 2-го лица (ТЫ и ВЫ / ТВОЙ и ВАШ) в качестве «левого» элемента (интерлокутивные метафоры). При этом позицию «правого» элемента, как и в случае с суппозитивными автометафорами и коалиционными метафорами, могут замещать номинации, разноплановые с точки зрения семантики и структуры. В текстах современной белорусской и русской лирики в качестве наиболее характерных метафорических образов функционируют следующие тропеически структурированные ТЫ/ВЫ-позиции: «ТЫ» обобщённое; «ТЫ= X = Я»; «ТЫ = Я / Я = ТЫ»; «ТЫ / ВЫ любовное»; «ВЫ вежливости»; «ВЫ множественное» и др.

На исследуемом материале в качестве основных нами выявлены следующие модели метафорически структурированных лирических коммуникативных

ситуаций такого рода: Модель «Я – ТЫ/ВЫ»; Модель «МЫ – ВЫ/(ТЫ)»; Модель «Я/МЫ – ОН/ОНИ» и др.

В текстах белорусских и русских поэтов обнаруживаются различные варианты коммуникативной ситуации, структурированной подобным образом. Это, например, «нестыковка» содержания текста как целого и отдельных имеющих в нём жанровых маркёров; диалог автора с воображаемым читателем; разговор с заведомо некоммуницирующим объектом; повествование от лица заведомо некоммуникационного объекта; создание коммуникативной и временной дистанции между автором и читателем и др.

В целом в языке белорусской и русской поэзии большинство моделей и конструкций метафорической репрезентации лирических коммуникантов и коммуникативных ситуаций идентичны как с точки зрения семантики, так и со стороны структуры. Вместе с тем охарактеризованы и определённые их национально-стилевые особенности в плане реализации ими текстового, когнитивно-дискурсивного и лингвокультурного потенциала [2; 4; 8; 22; 23; 27; 32; 37; 39; 61; 64; 68; 72; 86; 96; 109; 111; 114; 115].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования в учебном процессе при разработке лекционных курсов, учебных пособий по общему языкознанию, лексикологии современного русского и белорусского языков, семиотике, интерпретации текста, основам межкультурной коммуникации, филологическому анализу художественного текста, когнитивной лингвистике; при разработке спецкурсов, при составлении заданий для олимпиад, конкурсов, викторин.

Основные положения, выводы и материалы диссертационной работы используются в проведении ряда лингвистических дисциплин в учреждениях образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина», «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», «Могилёвский государственный университет имени А. Кулешова», федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» (Российская Федерация) и позволяют углубить и расширить знания студентов в области филологического анализа художественного текста и его отдельных строевых элементов, дискурс-анализа, лингвосемиотических и когнитивных механизмов текстовой деятельности, теории метафоры, а также совершенствовать систему методической подготовки по формированию базовых профессиональных компетенций будущего специалиста-филолога. Результаты работы открывают перспективы создания

новых и совершенствования имеющихся обучающих методик декодирования интерпретационно сложных поэтических текстов в целом и их тропеически структурированных образов в частности.

Разработанная концепция может служить рабочей моделью для рассмотрения иных элементов поэтического стиля в дискурсивном направлении. Методологические решения и результаты исследования могут в дальнейшем быть использованы для теоретического осмысления феномена поэтического текста (дискурса) в целом. По аналогии с проведенным исследованием и с применением соответствующих методов анализа могут быть изучены в сопоставительном плане метафориконы иных языков.

Результаты исследования могут быть использованы в различных областях знаний: в филологии, семиотике, культурологии, теории коммуникации.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ

Монографии

1. Кураш, С. Б. Метафора и её пределы: микроконтекст – текст – интертекст: монография / С. Б. Кураш. – Мозырь : МозГПИ, 2001. – 118 с.
2. Шур, В. В. Слова ў мастацкім кантэксте: онімы, метафары: манаграфія / В. В. Шур, С. Б. Кураш. – Мазырь : УА МДПУ, 2013. – 268 с.
3. Кураш, С. Б. Литературно-художественный интертекст в системно-структурном и тексто-дискурсивном измерениях / С. Б. Кураш, О. Н. Хаками, Л.М. Шецко. – Мозырь : УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2018. – 187 с.
4. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2020. – 322 с.

Статьи, соответствующие п. 19 «Положения о присуждении ученых степеней и присвоения ученых званий в Республике Беларусь»

5. Кураш, С. Б. Моделирование реальности в художественном дискурсе: семиотически сложные жанры (к проблеме типологизации и декодирования текстов) / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя Н. К. Крупскай. – 1999. – № 2. – С. 95–99.
6. Кураш, С. Б. Метафора как стимул генерации текста: аспекты анализа языковых механизмов / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя Н.К.Крупскай. – 2001. – № 5(2). – С. 85–90.
7. Кураш, С. Б. Информативно-образная структура поэтических текстов-метафор в аспекте дискурсивных связей / С. Б. Кураш // Filologija. Teksto lingvistika ir poetika. – Siauliai. – 2002. – Nr. 1 (7). – P. 47–53.

8. Кураш, С. Б. Прасторавы свет лірычнага «Я» ў люстэрку метафары / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2005. – № 1 (12). – С. 71–77.

9. Кураш, С. Б. Метафора, метабола, метафороподобие как принципы текстопостроения в русском поэтическом дискурсе / С. Б. Кураш // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – Мінск, 2005. – № 3. – С. 18–23.

10. Кураш, С. Б. Модель дискурсивного функционирования поэтической метафоры / С. Б. Кураш // Мова: наук.-теор. часопіс з мовознаўства. – Одеса: “Астропрінт”, 2006. – № 11. – С. 222–226.

11. Кураш, С. Б. Структурные типы русских поэтических текстов-метафор / С. Б. Кураш // Известия Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины. – 2007. – № 3 (42). – С. 62–68.

12. Кураш, С. Б. Концепт «метафора»: ракурсы поэтической рефлексии / С. Б. Кураш // Мова і культура. – Київ: Вид. Дім Дмитра Бураго, 2007. – Вип. 9. Т. IV (92). Лінгвокультурологічна інтэрпретацыя тексту. – С. 17–22.

13. Кураш, С. Б. Паэтычная метафорыка ў дынаміцы даследчыцкай цікавасці да мовы мастацкай літаратуры ў русістыцы і беларусістыцы / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2008. – № 3 (20). – С. 53–57.

14. Кураш, С. Б. Лингвокультурологический аспект метафорического взаимодействия: интракультурные и интеркультурные метафоры в русской и белорусской поэзии / С. Б. Кураш // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 142, т. 1. – С. 423–426.

15. Кураш, С. Б. Поэтическая метафорика в межкультурном интертексте / С. Б. Кураш // Актуальні праблемы слов’янскай філалогіі: міжвуз. зб. наук. ст. ; відп. ред. В.А. Зарва. – Київ: Освіта України, 2008. – Вип. ХІХ Лінгвістыка і літаратурознаўства. – С. 400–405.

16. Кураш, С. Б. Художественный текст как дискурсивно-семиотический феномен и перспективы изучения поэтической метафоры / С. Б. Кураш // Kalba ir kontekstai. Mokslo darbai. – Vilnius, 2010. – Т. 3. – С. 256–263.

17. Кураш, С. Б. Семиотическая градуальность образно-метафорических построений в русских поэтических текстах / С. Б. Кураш // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – № 3.2. – С. 78–85.

18. Кураш, С. Б. О некоторых активных процессах в лексике и фразеологии современного русского языка (из опыта исследований, проводимых в

МГПУ им. И.П. Шамякина) / С. Б. Кураш // Филологическая регионалистика. – 2016. – № 4 (20). – С. 30-36.

19. Кураш, С. Б. Метафора как объект изучения лингвометафорологии: состояние и перспективы / С. Б. Кураш // Граматичні студії : зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т імені Василя Стуса ; наук. ред. А.П. Загнітко. – Вінниця : ДонНУ імені Василя Стуса, 2017. – Вип. 3. – С. 7–12.

20. Кураш, С. Б. Вобразна-метафарычныя канструкцыі ў мове беларускай паэзіі ХХ – пачатку ХХІ стагоддзяў: сінтаксічна-дэрывацыйны і лінгвасеміятычны аспекты / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2017. – № 1 (49). – С. 146–150.

21. Кураш, С. Б. Інтэрактыўнасць як аснова ізамарфізму ў трыядзе «метафара – тэкст – дыкурс» / С. Б. Кураш // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. – 2018. – № 1(51). – С. 103–109.

22. Кураш, С. Б. Специфика поэтической коммуникации с точки зрения лингвометафорологии / С. Б. Кураш // Літэратура та культура Полісся. Вип. 91. Серія «Філолагічныя науки». № 10 ; відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2018. – С. 165–175.

23. Кураш, С. Б. Суппозитивные автометафоры в языке белорусской и русской поэзии ХХ–ХХІ веков / С. Б. Кураш // Известия Гомельского государственного ун-та им. Ф.Скорины. – 2019. – № 3 (42). – С. 97–101.

24. Кураш, С. Б. Феномен метафоры в русистике: от прошлого к будущему / С. Б. Кураш // Русистика. – 2019. – Т. 17. № 2. – С. 171–183.

25. Кураш, С. Б. Гоголь: поэтическая концептуализация личного имени в составе компаративного тропа / С. Б. Кураш // Літэратура та культура Полісся. Вип. 95. Серія «Філолагічныя науки». № 12 ; відп. ред. і упоряд. Г.В. Самойленко. – Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2019. – С. 41–49.

26. Кураш, С. Б. Метафара: мастацкі сродак? Вобраз? Канцэпт? / С. Б. Кураш // Роднае слова. – 2019. – № 10. – С. 31–34.

27. Кураш, С. Б. Коалиционные суппозитивные метафоры в языке русской и белорусской поэзии ХХ–ХХІ веков / С. Б. Кураш // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка. Серыя 1. – 2019. – № 4. – С. 75–79.

28. Кураш, С. Б. Способы развёртывания поэтической метафоры в интертекстовом континууме (на материале белорусской и русской поэзии) / С. Б. Кураш // Мова і культура. – Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2019. – Вип. 22. – Т. III (198). – С. 306–311.

29. Кураш, С. Б. Поэтическая графика, визуальный облик текста и метафорика (на материале русской и белорусской поэтической речи) / С. Б. Кураш // Проблемы современной русистики : науч.-метод. журнал. – № 5 (9). – Ереван : Изд-во МГУ, 2020. – С. 30–37.

30. Кураш, С. Б. Метафорика и интертекстуальность: еще раз об изоморфизме и функционировании (на материале русской и белорусской поэзии) / С. Б. Кураш // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica – 2022. - № 21. – С. 81–94.

Статьи в сборниках научных трудов

31. Кураш, С. Б. Проблема виділення «національного компонента» у семантиці метафоричних образів і деякі шляхи його зіставного вивчення в національно-поетичних мовних системах / С. Б. Кураш // Проблеми зіставної семантики : збірник статей. – Київ : КДЛУ, 1999. – С. 143–144.

32. Кураш, С. Б. Анализ художественных текстов усложнённой информативно-образной структуры / С. Б. Кураш // Порождение и интерпретация текста в учебной деятельности студента : сб. статей. – Мозырь : МозГПИ, 2000. – С. 17–46.

33. Кураш, С. Б. Художественный дискурс – интертекст – научный дискурс: объекты и субъекты сопоставления / С. Б. Кураш // Проблеми зіставної семантики : збірник наукових статей. Вип. 5 ; відп. ред. М.П.Кочерган. – Київ : КДЛУ, 2001. – С. 303–305.

34. Кураш, С. Б. Обучение студентов-филологов интерпретации художественных текстов на типологической основе (жанроцентрический аспект) / С. Б. Кураш // Формирование профессиональной коммуникативной компетенции учителя : сб. науч. тр. – Мозырь : МозГПИ, 2001. – С. 17–24.

35. Кураш, С. Б. Контексты развёрнутых метафор как вместители конвергированных тропов / С. Б. Кураш // Актуальные проблемы филологии и общественных наук : сб. науч. тр. – Мозырь : МозГПИ, 2001. – С. 78–84.

36. Кураш, С. Б. Интертекстуальность как парадигма / С. Б. Кураш // Текст : проблемы изучения в вузе и в школе : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. – Пенза : ПГПУ, 2002. – С. 53–59.

37. Кураш, С. Б. Жанровые ожидания, их типология и учёт в практике обучения студентов филологическому анализу текста / С. Б. Кураш // Язык и образование : сб. науч. тр. ; ред. колл.: Т.А. Лисицына и др. – Великий Новгород : НовГУ, 2002. – С. 20–21.

38. Кураш, С. Б. Сопоставительный анализ как прием обучения интерпретации тропов / С. Б. Кураш // Проблеми зіставної семантики : збірник наукових статей. Вип. 6 ; відп. ред. М.П. Кочерган. – Київ : КДЛУ, 2003. – С. 442–446.

39. Кураш, С. Б. Тропеичность, троп, текст-троп: лингводидактический аспект / С. Б. Кураш // Актуальные проблемы изучения гуманитарных наук : межвуз. сб. науч. статей. – Баку : Мутарджим, 2006. – Вып. IV. – С. 112–115.

40. Кураш, С. Б. Мова і слова ў люстэрку беларускай паэтычнай метафорыкі (на фоне рускай) / С. Б. Кураш // Язык и межкультурные коммуникации:

сб. науч. ст. ; редкол. В.Д. Стариченок [и др.]; отв. ред. В.Д. Стариченок. – Минск : БГПУ, 2007. – С. 274–276.

41. Кураш, С. Б. Тэкстацэнтрызм і дыскурсіўнасць як актуальныя парадыгмы сучаснай паэтычнай лінгваметафаралогіі / С. Б. Кураш // Текст, язык, человек: сб. науч. трудов: в 2 ч. ; отв. ред. С. Б. Кураш, В.Ф. Русецкий. – Мозырь : УО МГПУ им. И.П.Шамякина, 2007. – Ч. 1. – С. 61–64.

42. Кураш, С. Б. Интертекстуальная метафорика в русско-белорусском поэтическом диалоге / С. Б. Кураш // Интегративные функции русского языка и культуры в системе непрерывного образования Беларуси, России, Украины: сб. науч. ст. ; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилёв : УО МГУ им. А. Кулешова, 2008. – С. 135–139.

43. Кураш, С. Б. К проблеме «фразеологическая единица и текст»: от текстуализации фразеологизмов к фразеологизации текстов / С. Б. Кураш // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке : сб. науч. статей ; под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. – Минск : Змицер Колас, 2010. – С. 143–147.

44. Кураш, С. Б. Интертекст – гипертекст – корпус текстов: о корреляции понятий и перспективах исследования в современной русистике / С. Б. Кураш // Текст. Язык. Человек. Неделя русской филологии в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина : сб. науч. трудов: в 2 ч. ; УО МГПУ им. И. П. Шамякина; редколл.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2011. – Ч. 1. – С. 21–23.

45. Кураш, С. Б. К проблеме интерпретации поэтических текстов-метафор / С. Б. Кураш // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : сб. науч. статей по мат-лам III Междунар. науч. конф.; под. ред. Е. Е. Иванова. – Могилёв : УО МГУ им. А. Кулешова, 2012. – С. 7–11.

46. Кураш, С. Б. Фрагмент корпусного исследования концепта «метафора»: метафора и её антиподы / С. Б. Кураш // Компьютерная лингвистика научное направление и учебная дисциплина ; отв. ред. В. И. Коваль. – Вып. 2. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – С. 63–67.

47. Кураш, С. Б. Текстцентризм современного гуманитарного сознания и его экспликация в речевой практике носителей русского языка (по данным интернет-источников) / С. Б. Кураш // Текст. Язык. Человек : сб. науч. трудов: в 2 ч. / редколл.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2013. – Ч. 1. – С. 62–65.

48. Кураш, С. Б. Базовая метафора текста и её производные в современных речевых практиках / С. Б. Кураш // Язык – текст – дискурс : картина мира в свете разных подходов: сб. науч. ст. ; под ред. Н. А. Илюхиной. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 103–109.

49. Кураш, С. Б. А. А. Патэбня і некаторыя праблемы лінгваметаралогіі : погляд з сучаснасці / С. Б. Кураш // Наўкова спадшына О. О. Потебні у слов'янскаму культурнаму прасторі : зб. наўк. праць. – Кіў : Выдавнчы дїм Дмїтра Бураго, 2012. – С. 66–74.

50. Кураш, С. Б. Дїалогїческіе стратэгії в релїзацыї абразно-метарфорїческіх пастроенїй («веерная» метарфора) / С. Б. Кураш // XII Горьковскїе чтенїя, псвясчєннє 100-лєтїю со дня рожденїя Я. А. Чернявской : сб. наўк. ст. ; Брест. гос. ун-т ім. А. С. Пушкїна ; наўк. ред. Т. В. Сенькевїч. – Брест : БрГУ, 2014. – С. 143–153.

51. Кураш, С. Б. Канцєптуалїзацыя тэрміналексемы *метарфара* ў сучасных дыскурсіўных практыках: кантэкстны аналіз / С. Б. Кураш // Лїнгвїстїческіе горизонты: междунар. сб. наўк. ст.; отв. ред. Е. А. Огнева [и др.]. – Вып. 2. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – С. 216–219.

52. Кураш, С. Б. Метарфора – дїалог – интертєкст / С. Б. Кураш // Современная парадїгма гуманїтарных ıсследований: праблемы фїлологїи и культурологїи: сб. наўчных статей ; сост. Л.П. Гогїна, С.Г. Грїгорєнко, С.В. Овсяннїкова. – М.: МИТРО, 2015. – М. : Издательство «Перо», 2015. – С. 161–169.

53. Кураш, С. Б. Содержание понятыя «метарфорїческії контекст» и праблема определєния мїнїмального контекста метарфоры (аналїтїческії обзор) / С. Б. Кураш // Язык и дыкурс: семантїко-сїнтаксїческії, прагматїческії и лїнгводїдактїческії аспекты: сб. наўк. трудов ; редколл. : Т. Н. Талецкая, С. Б. Кураш, В. Н. Сергєй. – Мозырь : УО МГПУ ім. И.П.Шамякїна, 2015. – С. 65–71.

54. Кураш, С. Б. Онїмїзацыя тєрміна: от языкового узуса к языковой ıгре (на прїмере тєрмінолексемы «метарфора») / С. Б. Кураш // Рєгїональная ономастїка: праблемы и прєспєктївы ıсследования : сб. наўк. статей ; сост.: А. М. Мєзенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шєверїнова ; под наўк. ред. А. М. Мєзенко. – Вїтєбск : ВГУ ім. И. П. Машєрова, 2016. – С. 251–254.

55. Кураш, С. Б. Метарфара як троп vs. Прынцып метарфары (на матэрыяле беларускай і рускай моў) / С. Б. Кураш // Чарнобылем не зарасцє: традыцїї матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палєсся : зб. наўк. арт: У 2 ч. Ч.2. – Гомель : ГДУ ім. Ф.Скарыны, 2016. – С. 20–27.

56. Кураш, С. Б. Метарфора: от тєрміна к канцєпту / С. Б. Кураш // Восточнославянскїе языки и лїтературы в європейском контексте-2015 : сборник наўчных статей ; под ред. Е.Е. Иванова. – Могїлев : МГУ імєни А.А. Кулєшова, 2016. – С. 51–56.

57. Кураш, С. Б. Метафарызаваны фрагмент у структуры паэтычнага твора: кантэкстны аналіз / С. Б. Кураш // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – V : сборник научных статей ; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 24–28.

58. Кураш, С. Б. «Диалоги» метафор в языке русской и белорусской поэзии: жанрово-стилистический аспект / С. Б. Кураш // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VI : сборник научных статей ; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 22–26.

59. Кураш, С. Б. Парадигматические и синтагматические характеристики лексемы «метафора» в современных дискурсивных практиках / С. Б. Кураш // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ имени Янки Купалы ; редкол.: Т. А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2020. – Ч. 1. – С. 362–367.

60. Кураш, С. Б. Пространственная метафорика русской и белорусской поэзии: от эмпирики к подсчётам / С. Б. Кураш // Scientific discussion. – Praha, 2022. – Vol. 1. – № 63. – С. 13–19.

Материалы научных конференций

61. Кураш, С. Б. Роль работы над метафорой в формировании языковой личности студентов-филологов / С. Б. Кураш // Язык и социум: матер. 3-й междунар. науч. конф. – Минск : БГУ, 2000. – С. 319–321.

62. Кураш, С. Б. О явлении конденсации смыслов в текстах современной русской поэзии (в аспекте соотношения языка и экстралингвистических факторов) / С. Б. Кураш // Русский язык в изменяющемся мире : матер. междунар. науч. конф. – Минск : БГУ, 2000. – Ч. 2. – С. 186–190.

63. Кураш, С. Б. Поэтический текст как поле «диалога метафор» / С. Б. Кураш // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе : Проблемы теоретической и исторической поэтики : матер. междунар. науч. конф. – Гродно : ГрГУ, 2000. – Ч. 2. – С. 171–176.

64. Кураш, С. Б. «Рвётся образ с языка...» (троп и автор: особенности взаимоотношений в коммуникативно-референтном пространстве текста) / С. Б. Кураш // Славянскія літатурны ў кантэксце сусветнай : матэр. 4-й міжнар. навук. канф. – Мінск : БДУ, 2000. – Ч. 1. – С. 131–133.

65. Кураш, С. Б. О лингвосомиотической природе достоверности / недостоверности как характеристик референтных ситуаций художественных текстов / С. Б. Кураш // Язык, слово, действительность : матер. 2-й междунар. науч. конф. – Минск : БГПУ, 2000. – Ч. 1. – С. 154–157.

66. Кураш, С. Б. Контекстный подход к проблеме деривационных возможностей метафоры (некоторые итоги и перспективы) / С. Б. Кураш // Слово-

образование и номинативная деривация в славянских языках : матер. 8-й междунар. науч. конф. – Гродно : ГрГУ, 2000. – С. 322–326.

67. Кураш, С. Б. Поэтические тексты-метафоры А.С.Пушкина в аспекте специфики и эволюции жанра / С. Б. Кураш // Пушкинский сборник (К 200-летию со дня рождения) : матер. науч.-метод. конф. – Гомель : ГГУ, 2000. – С. 90–95.

68. Кураш, С. Б. Информативно усложнённые художественные тексты в свете «требований времени» к языковой личности учителя-филолога / С. Б. Кураш // Язык образования и образование языка : матер. междунар. науч. конф. – Великий Новгород : НовГУ, 2000. – С. 171–172.

69. Кураш, С. Б. Язык образов и образы языка / С. Б. Кураш // Мастацкі вобраз : генезіс, эвалюцыя, сучасны стан: матэр. міжнар. навук. канф. – Брэст: БрДУ, 2001. – 130–133.

70. Кураш, С. Б. Фрагмент індывідуальна-аўтарскай карціны свету Аляксея Пысіна ў лінгвакультуралагічным аспекце (канцэпт «прастора») / С. Б. Кураш // Актуальныя праблемы моўнай адукацыі вучняў ва ўмовах рэфармавання агульнаадукацыйнай школы : зб. матэр. рэсп. навук.-метаад. канф. – Мазыр : МДП, 2001. – С. 198–202.

71. Кураш, С. Б. К проблеме семиотической структуры текста (дискурса) как информативного целого / С. Б. Кураш // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин : матер. междунар. науч. конф. В 2 ч. – Мозырь : МГПИ, 2001. – Ч. 1. – С. 93–97.

72. Кураш, С. Б. Художественный дискурс и его продукция как часть современной культуры : к проблеме стратегий поведения реципиента / С. Б. Кураш // Стратегии коммуникативного поведения : матер. докл. междунар. науч. конф. В 3 ч. – Минск : МГЛУ, 2001. – Ч. 1. – С. 40–44.

73. Кураш, С. Б. Лингвометодическая модель изучения текстотипа (на примере текстов метафоричной организации) / С. Б. Кураш // Проблемы преподавания и изучения русского языка в школе и вузе на современном этапе: матер. междунар. науч.-практ. конф. ; Нежинский гос. пед. ун-т им. Н.Гоголя. – Нежин, 2001. – С. 153–156.

74. Кураш, С. Б. Текст-метафора: семиотические варианты моделирования мира / С. Б. Кураш // Знак. Символ. Образ : матер. міжвуз. навук.-практ. семінару з проблем сучасной семіотики : вып. шостый: – Черкаси : ЧДУ, 2002. – С. 23–25.

75. Кураш, С. Б. Ракурсы метафорологии: метафора как текст, текст как метафора / С. Б. Кураш // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин : матер. 2-й междунар. науч. конф. – Мозырь : МГПУ, 2003. Ч. 1. – С. 34–37.

76. Кураш, С. Б. Метафора как диалог: к проблеме интертекста / С. Б. Кураш // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе : Проблемы теоретической и исторической поэтики : матер. междунар. науч. конф. – Гродно : ГрГУ, 2003. – Ч. 2. – С. 134–140.

77. Кураш, С. Б. Семиотика художественного мышления в зеркале метафорологии / С. Б. Кураш // Язык и мышление : Психологические и лингвистические аспекты: матер. 3-ей всеросс. науч. конф. – М. ; Пенза : Ин-т языкозн. РАН, ПГПУ, 2003. – С. 134–135.

78. Кураш, С. Б. К проблеме интерпретации тропа: импликация смысловых элементов метафорического контекста / С. Б. Кураш // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : матер. междунар. науч. конф. – Гродно : ГрГУ, 2003. – С. 37–41.

79. Кураш, С. Б. Метафора: контекст – текст – дискурс. К основаниям метафорологии поэтического текста / С. Б. Кураш // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. междунар. интернет-конф. : труды и материалы. – М. : МГУЛ, 2004. – С. 232–239.

80. Кураш, С. Б. О двойном феномене переводного текста в ситуации перевода на близкородственный язык / С. Б. Кураш // Актуальныя праблемы функцыянавання і развіцця лексікі славянскіх моў : матэр. міжнар. навук. канф. – Мазыр : МДПУ, 2004. – С. 9–10.

81. Кураш, С. Б. Текст, троп, текст-троп / С. Б. Кураш // Текст. Структура и семантика : доклады IX междунар. конф. / МГОПУ – М. : СпортАкадем-Пресс, 2004. – С. 68–69.

82. Кураш, С. Б. Изоморфизм и «метафора метафоры» в лингвосомиотической интерпретации художественного текста/дискурса / С. Б. Кураш // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин : матер. III междунар. науч. конф., 12-13 мая 2005 г. – Мозырь : УО МГПУ, 2005. – Ч. 1. – С. 14–17.

83. Кураш, С. Б. Поэтическая метафорология: динамика и перспективы исследований / С. Б. Кураш // Динаміка наукових досліджень – 2005 : матер. IV Міжнар. наук.-практ. конф. Том 61. Філологічні науки. – Дніпропетровськ : Наука і освіта, 2005. – С. 7–10.

84. Кураш, С. Б. Воспроизводимость и прецедентность фразеологизмов как основа их текстообразующих функций / С. Б. Кураш // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах : матер. IV Междунар. науч. конф. – Гомель : УО ГГУ, 2005. – С. 240–244.

85. Кураш, С. Б. Метафора в структуре поэтического текста: метафоричные и неметафоричные фрагменты как контекст-партнёры /

С. Б. Кураш // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў: матэр. міжнар. навук. канф. – Мазыр : УА МДПУ, 2006. – С. 106–109.

86. Кураш, С. Б. Метафорика коммуникативной ситуации в русском поэтическом дискурсе: аспекты семантической интерпретации / С. Б. Кураш // Русский язык : система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы) : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г. : в 2 ч. ; РИВШ ; редкол. : И.С. Ровдо [и др.]. – Минск, 2006. – Ч. 1. – С. 131–134.

87. Кураш, С. Б. Язык как объект метафорического моделирования в русском поэтическом дискурсе XX века / С. Б. Кураш // Русский язык: исторические судьбы и современность : III Междунар. конгресс исследователей русского языка : труды и материалы (20–23 марта 2007 г., МГУ им. М.В. Ломоносова). – М., 2007. – С. 664–665.

88. Кураш, С. Б. Слово «метафора» как термин и образ / С. Б. Кураш // Имя и слово : матер. Междунар. науч. конф., Брест, 19–20 апреля 2007 г. ; под общ. ред. В. И. Сенкевича – Ч. 2. – Брест, 2007. – С. 14–19.

89. Кураш, С. Б. Фразеологически номинируемая ситуация как элемент текстообразующей метафоры в поэтической речи / С. Б. Кураш // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах : матер. V междунар. науч. конф., Гомель, 22–23 октября 2007 г. ; редколл. : В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф.Скорины, 2007. – С. 257–260.

90. Кураш, С. Б. Особенности метафорического структурирования денотасферы «язык» в русской поэзии XX века / С. Б. Кураш // Восточнославянские языки в европейском языковом контексте : сб. статей по матер. междунар. науч. конф. (24–25 октября 2007 г.) ; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилёв : МГУ им. А. Кулешова, 2007. – С. 182–191.

91. Кураш, С. Б. Интертекстуальность метафорики & метафороподобие интертекста / С. Б. Кураш // Ю. Ф. Карський і сучасне мовознавство : матер. XI міжнар. Карських читань, 18–19 вересня 2007 р. – Ніжин-Гродно : Міланік, 2008. – С. 114–117.

92. Кураш, С. Б. Диалог текстов – диалог культур (сквозь призму метафоры) / С. Б. Кураш // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур : состояние и перспективы : матер. междунар. науч. конф., Минск, 20–21 марта 2008 г. В 2 ч. – Минск : БГПУ, 2008. – Ч. 2. – С. 115–117.

93. Кураш, С. Б. Паэтычная метафорыка ў аспекце нацыянальнага стылю (да праблемы руска-беларускіх літаратурных узаемасувязяў) / С. Б. Кураш // Восточные славяне : историческая и духовная общность: матер. междунар. науч.-прак. конф., посв. 15-летию Общ-ва Кирилла Туровского ; редколл. : В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.] – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2008. – С. 177 – 181.

94. Кураш, С. Б. Нетерминологические употребления слова «метафора» в современном русском языке (по данным Интернет-источников) / С. Б. Кураш // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV междунар. науч. конф. В. 2 ч. Ч.1 / БГУ ; редколл.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2009. – С. 184–187.

95. Кураш, С. Б. Метафора как универсальный семиотический код поэтического дискурса / С. Б. Кураш // Язык – текст – дискурс : традиции и новаторство: матер. междунар. науч. конф. В 2 ч. ; под ред. проф. Н.А. Илюхиной; Федеральное агенство по образованию. – Самара : Изд-во “Самарский ун-т”, 2009. – Ч. 1. – С. 173–180.

96. Кураш, С. Б. Асаблівасці структурнай пабудовы аўтаметафар у мове беларускай паэзіі ХХ ст. / С. Б. Кураш // Куляшоўскія чытанні : мат-лы міжнар. навук.-практ. канф. ; рэдкал.: В. І. Рагаўцоў [і інш.]. – Магілёў : УА МДУ імя А. Куляшова, 2009. – С. 38–40.

97. Кураш, С. Б. О действии метафорического механизма на разных языковых уровнях / С. Б. Кураш // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков: матер. междунар. науч.-практ. конф. ; под ред. А. М. Амадова. – Белгород : Политерра, 2009. – С. 145–150.

98. Кураш, С. Б. Когнитивный анализ фразеологизма *набор слов* как повод для рассуждения о тексте, текстовости и фразеологичности / С. Б. Кураш // Фразеология, познание и культура : сб. докл. 2-й междунар. науч. конф.: в 2 т. ; отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1. – С. 106–110.

99. Кураш, С. Б. Функционирование концепта метафора в различных дискурсивных практиках (по данным Национального корпуса русского языка) / С. Б. Кураш // Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур : сб. м-лов междунар. науч.-практ. конф. ; отв. ред. А.Л. Фатыхова. – Стерлитамак : СГПА им. З. Биишевой, 2011. – С. 174–180.

100. Кураш, С. Б. «Метафора» vs. «не метафора»: метаязыковой аспект метафорогенеза / С. Б. Кураш // Язык и межкультурные коммуникации: матер. III междунар. науч. конф. / БГПУ им. М. Танка; редколл. : В.Д. Старичёнок и др. – Минск : БГПУ, 2011. – С. 132–134.

101. Кураш, С. Б. Метафора и смыслопорождение: *pro & contra* / С. Б. Кураш // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах : матер. междунар. науч. конф., Самара, 12–14 мая 2011 г. ; науч. ред. Н. А. Илюхина. – Самара : Изд-во «Универс групп», 2011. – С. 144–148.

102. Кураш, С. Б. Текст & метафора: рефлексия vs. творчество (читая А. Андреева) / С. Б. Кураш // Куляшоўскія чытанні : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Могилёв : УО МГУ им. А. Кулешова, 2011. – С. 145–149.

103. Кураш, С. Б. Поэтическая метафора в дискурсе межкультурной коммуникации / С. Б. Кураш // Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания : м-лы 2-й междунар. науч.-практ. конф. ; редколл. : В.Н. Сергей (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь : УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2011. – С. 104–107.

104. Кураш, С. Б. Метафора и метафоротворчество: метаязыковой аспект / С. Б. Кураш // Куляшоўскія чытанні : мат-лы междунар. навук.-практ. канф., Магілёў, 24–25 красавіка 2014 г. – Могилёв : УО МГУ им. А. Кулешова, 2014. – С. 127–132.

105. Кураш, С. Б. Лингвометафорология и корпусная лингвистика: зоны общих интересов / С. Б. Кураш // Компьютерно-опосредованная коммуникация и дискурс – 2014 : сб. науч. ст. / Беларус. гос. ун-т, филол. фак. ; редкол. : А. А. Баркович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2015. – С.42–48.

106. Кураш, С. Б. Понятие «метафора»: лексикографирование vs. дискурсивные практики / С. Б. Кураш // Лексикография и коммуникация – 2015 : матер. I Междунар. науч. конф. (г.Белгород, 23-24 апреля 2015 г.); под ред. А. П. Седых. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. – С. 45–54.

107. Кураш, С. Б. К проблеме семантической амбивалентности концепта «метафора» в разных типах дискурса / С. Б. Кураш // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты : Материалы XV-й междунар. науч. конф. (Орехово-Зуево, 13–15 мая 2015 г.); отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. – М.: Московский Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН ; Орехово-Зуево : ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015. – С.101–102.

108. Кураш, С. Б. Метафорика поэтической речи в контексте изучения национальных литературных языков в современной русистике и белорусистике / С. Б. Кураш // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: матер. II междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 26-28 октября 2017 г.) ; под ред. Г. И. Канакиной, И. Г. Родионовой. – Пенза : ПГУ, 2017. – С. 20–25.

109. Кураш, С. Б. Этно-социо-культурные ракурсы русского лирического «я» в контексте национального стиля / С. Б. Кураш // Слово. Отечество. Вера : Вып. 2 : материалы 2-й и 3-й Международных научных конференций, посвященных памяти поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева, Санкт-Петербург; 2015; 2018, Пушкинский Дом ; сост. Н. В. Советная. – СПб., 2018. – С. 102–111.

110. Кураш, С. Б. Фонетическая и метро-ритмическая метафора в русской поэтической речи / С. Б. Кураш // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты : матер. XIX-й Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения В.И.Кодухова, Покров, 15–17 мая 2019 г. ; отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. – М. : ФБГОУ ВО «МПГУ», 2019. – С. 123–125.

111. Кураш, С. Б. Метафарычныя прэзентацыі суразмоўцы: інтэрлакутыўныя метафары ў рускай і беларускай паэзіі / С. Б. Кураш // Міжнародныя Шамякінскія чытанні «Пісьменнік – Асоба – Час» : матэрыялы VI Міжнар. навук.-практ. канф., Мазыр, 27 верас. 2019 г. / МДПУ імя І. П. Шамякіна ; рэдкал. : А.У. Сузько (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр : МДПУ імя І.П. Шамякіна, 2019. – С. 118–122.

112. Кураш, С. Б. Метафороподобие отношений «содержание – фактура» в текстах русской и белорусской поэзии: морфемно-словообразовательный уровень / С. Б. Кураш // *Azərbaycanşünaslığın aktual problemləri : Ümummilli Lider Heydər Əliyevin anadan olmasının 97-ci ildönümünə həsr olunmuş XI Beynəlxalq Elmi Konfransın materialları*. – Bakı : Mütərcim, 2020. – С. 149–154.

113. Кураш, С. Б. Метафора и действительность: в поисках «границы текста» / С. Б. Кураш // *Лексикография и коммуникация – 2022 : сборник материалов VIII Международной научной конференции (г. Белгород, 14–15 апреля 2022 г.)* ; отв. ред. А.П. Седых. – Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. – С. 102–107.

114. Кураш, С. Б. Метафоризация как фактор семиотического усложнения коммуникативной ситуации текста (на материале русской и белорусской поэзии XX-XXI веков) / С. Б. Кураш // *Филология и новое знание : Электронный ресурс : сборник материалов II российской научной конференции с международным участием, Белгород, 17-18 нояб. 2022 г.* ; отв. ред. А. П. Седых. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2022. – С. 31–37.

Учебно-методические издания

115. Кураш, С. Б. Усложнённое кодирование образной информации как аспект филологического анализа художественного текста: пособие / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ, 2003. – 54 с.

РЭЗІЮМЭ

Кураш Сяргей Баніфацьевіч

Метафарычны кантынуум рускіх і беларускіх паэтычных тэкстаў: дыскурсіўныя ўзаемадзеянні

Ключавыя словы: метафара, метафарычны кантынуум, паэтычны тэкст, паэтычны дыкурс, дыскурсіўныя ўзаемадзеянні, інтэракцыянальнасць, ізамарфізм, рэчаіснасць, мова, інтэртэкст, камуніканты, камунікатыўная сітуацыя, дэнататыўная сфера.

Мэта працы – раскрыць характар рэалізацыі дыскурсіўных узаемадзеянняў у метафарычным кантынууме рускіх і беларускіх паэтычных тэкстаў і выявіць канкрэтна-моўныя формы рэпрэзентацыі дадзеных узаемадзеянняў.

Метады даследавання: апісальна-аналітычны, таксанамічны, мадэляванне, супастаўляльны, структурна-семантычны, інтэрпрэтацыйны, кантэкстны і кампанентны аналіз, трансфармацыйны аналіз, колькасна-статыстычная апрацоўка моўнага матэрыялу.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Упершыню ў беларускім мовазнаўстве выяўлены моўныя механізмы і спосабы рэалізацыі дыскурсіўных узаемадзеянняў у метафарычным кантынууме рускай і беларускай паэзіі; выяўлены агульныя для дзвюх моў тыпы моўных канструкцый, якія рэалізуюць генератыўны патэнцыял метафары (ад мінімальна-да тэкстаўтваральных); раскрыта лінгвасеміятычная сутнасць і выяўлены канкрэтна-моўныя ўдзелы метафары ва ўзаемадзеянні тэксту з пазатэкставым універсумам і ў фарміраванні дзвюх нацыянальных паэтычных карцін свету; выяўлены і ахарактарызаваны формы ўдзелу метафары ў структурызацыі дыскурсіўных адносін «тэкст – мова»; раскрыты моўныя механізмы і сістэматызаваны прыёмы стварэння інтэртэкстуальных метафар у рускай і беларускай паэзіі; вызначана сутнасць удзелу метафары ў дыскурсіўных узаемадзеяннях «адрасант – тэкст – адрасат – унутрытэкставыя камуніканты» і сістэматызаваны моўныя сродкі метафарычнай рэпрэзентацыі камунікантаў у тэкстах рускіх і беларускіх паэтаў.

Практычная значнасць атрыманых вынікаў. Распрацаваная канцэпцыя можа служыць рабочай мадэллю для разгляду іншых элементаў вобразнай структуры паэтычнага тэксту. Вынікі дысертацыі будуць запатрабаваныя пры распрацоўцы навучальных метадык дэкадавання інтэрпрэтацыйна складаных паэтычных тэкстаў у цэлым і іх трапеічна структураваных вобразаў у прыватнасці; у сферы вышэйшай і паслядыпломнай адукацыі, пры выкананні кваліфікацыйных навуковых прац.

Галіна выкарыстання: рускае і беларускае мовазнаўства, лінгваметафаралогія, лінгвакультуралогія, лінгвістыка тэксту / дыскурсу, філалагічны аналіз мастацкага тэксту, супастаўляльнае мовазнаўства.

РЕЗЮМЕ

Кураш Сергей Бонифациевич

Метафорический континуум русских и белорусских поэтических текстов: дискурсивные взаимодействия

Ключевые слова: метафора, метафорический континуум, поэтический текст, поэтический дискурс, дискурсивные взаимодействия, интеракциональность, изоморфизм, действительность, язык, интертекст, коммуниканты, коммуникативная ситуация, денотативная сфера.

Цель работы – раскрыть характер реализации дискурсивных взаимодействий в метафорическом континууме русских и белорусских поэтических текстов и выявить конкретно-языковые формы репрезентации данных взаимодействий..

Методы исследования: описательно-аналитический, таксономический, моделирование, сопоставительный, структурно-семантический, интерпретативный, контекстный и компонентный анализ, трансформационный анализ, количественно-статистическая обработка языкового материала.

Полученные итоги и их новизна. Впервые в белорусском языкознании выявлены языковые механизмы и способы реализации дискурсивных взаимодействий в метафорическом континууме русской и белорусской поэзии; выявлены общие для двух языков типы языковых конструкций, реализующих генеративный потенциал метафоры (от минимальных до текстообразующих); раскрыта лингвосемиотическая сущность и выявлены конкретно-языковые участия метафоры во взаимодействии текста с внетекстовым универсумом и в формировании двух национальных поэтических картин мира; выявлены и охарактеризованы формы участия метафоры в структуризации дискурсивных отношений «текст – язык»; раскрыты языковые механизмы и систематизированы приёмы создания интертекстуальных метафор в русской и белорусской поэзии; определена сущность участия метафоры в дискурсивных взаимодействиях «адресант – текст – адресат – внутритекстовые коммуниканты» и систематизированы языковые средства метафорической репрезентации коммуникантов в текстах русских и белорусских поэтов.

Практическая значимость полученных результатов. Разработанная концепция может служить рабочей моделью для рассмотрения иных элементов образной структуры поэтического текста. Результаты диссертации будут востребованы при разработке обучающих методик декодирования интерпретационно сложных поэтических текстов в целом и их тропеически структурированных образов в частности; в сфере высшего и последипломного образования, при выполнении квалификационных научных работ.

Область применения: русское и белорусское языкознание, лингвометафорология, лингвокультурология, лингвистика текста / дискурса, филологический анализ художественного текста, сопоставительная лингвистика.

SUMMARY

Kurash Sergei Bonifatsievich

Metaphorical continuum of Russian and Belarusian poetic texts: discursive interactions

Key words: metaphor, metaphorical continuum, poetic text, poetic discourse, discursive interactions, interactionality, isomorphism, reality, language, intertext, communicants, communicative situation, denotative sphere.

The purpose of the thesis is to reveal the nature of the implementation of discursive interactions in the metaphorical continuum of Russian and Belarusian poetic texts and to identify specific linguistic forms of representation of these interactions.

Research methods: descriptive-analytical, taxonomic, modeling, comparative, structural-semantic, interpretative, contextual and component analysis, transformational analysis, quantitative and statistical processing of language material.

The results obtained and their novelty. For the first time in Belarusian linguistics, linguistic mechanisms and ways of implementing discursive interactions in the metaphorical continuum of Russian and Belarusian poetry have been identified and described; types of linguistic constructions common to the two languages that realize the generative potential of metaphor (from minimal to text-forming) have been identified; the linguistic semiotic essence has been revealed and specific linguistic aspects of metaphor in the interaction of text with the extra-textual universe have been revealed and in the formation of two national poetic pictures of the world; the forms of metaphorical participation in the structuring of the discursive relations "text - language" are revealed and characterized; the linguistic mechanisms are revealed and the methods of creating intertextual metaphors in Russian and Belarusian poetry are systematized; the essence of metaphor participation in the discursive interactions "addressee - text – addressee - intra-textual communicants" is determined and systematized linguistic means of metaphorical representation of communicants in the texts of Russian and Belarusian poets.

Practical significance of the obtained results. The developed conception can serve as a functioning model for revealing other elements of the poetic text image structure. The results of the thesis will be useful in the development of teaching methods for decoding interpretatively complex poetic texts in general and their stylistically structured images in particular; in the field of higher and postgraduate education, in carrying out qualifying scientific papers.

Field of application: Russian and Belarusian linguistics, linguistic metaphorology, cultural linguistics, text / discourse linguistics, philological analysis of literary text, comparative linguistics.

Подписано в печать 06.04.2023. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 3,02. Уч.-изд. л. 3,27.
Тираж 60 экз. Заказ 8.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. (8-0236) 24-61-29.